

смена

12

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б), "ПРАВДА"

Хоккей

КАК ИГРАТЬ

Игра проводится на ледяной площадке, поверхность которой должна быть гладкой, без трещин и шероховатостей.

Длина площадки — от 85 до 105 метров, ширина — от 45 до 65 метров.

Вдоль боковых линий площадки устанавливаются деревянные бортики, предотвращающие мячу выход за пределы площадки.

Посреди ледяных линий располагаются ворота.

Задача игроков — забить в ворота противника наибольшее количество мячей.

Игра ведется двумя командами, по 11 человек в каждой.

Защитника, выполняющего в зависимости от обстоятельств, роль защиты или нападения. У центральных линий, разделяющих площадку на две части, располагаются игроки нападения.

Каждый игрок держит в руках деревянную клюшку, которой он ударяет по мячу.

Хоккей, требующий виртуозного владения коньками. По ходу игры хоккеисты могут толкаться, делают выходы, иногда даже прыгают.

Силами конькового бода, значительно отличается от бега скоростного: скользя плавно скользит по льду, хоккеист бежит. Для облегчения бега на коньках хлещом, как называются коньковые концы, имеются специальные зазубрины.

ным вперед корпусом и согнутыми ногами.

Хоккеист должен уметь вращаться, останавливаться, иначе можно легко налететь на игрока, на ворота и разбиться. Остановка делается так: корпус резко поворачивается направо под прямым углом к направлению движения, правая нога при этом подбегает, левая — вытягивается вперед. Остановка таким способом производится почти мгновенно.

Хоккеист должен уметь двигаться вперед спиной, развивая значительную скорость. Особенно важен этот прием для защитников.

Правильность удара по мячу зависит от согласованной работы ног, рук и корпуса. Мяч должен подниматься в воздух на высоте 1 метра 20 сантиметров. Точный удар возможен только двумя руками, поэтому одной рукой бить по мячу рекомендуется только в крайних случаях.

Удары по мячу бывают трех сортов: удар с полочкой, когда мяч отбивается от льда и идет по воздуху; удар с выкатом, когда мяч как бы прилипает к льду, и простой удар.

Особое искусство требует передача мяча, которая должна проводиться быстро и точно. На этом строится вся тактика современного хоккея.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

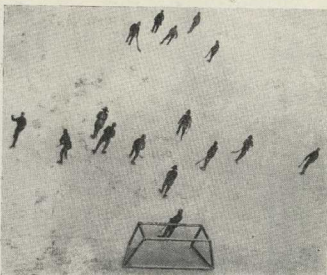
Старинная гравюра 1675 года дает нам изображение хоккейной игры. Англичане играли в хоккей уже в 1598 году. Окончательно оформилась игра в 1883 году, когда в Англии образовалась национальная хоккейная лига. Из Англии эта игра попала в Германию, в скандинавские страны, в Канаду.

В России первые хоккейные команды появились в 60-х годах прошлого века. В Петербурге откармливали хоккейные матчи. В 1907 году русские команды впервые сыграли несколько игр с Швецией, Норвегией и Германией.

После революции хоккей получил огромное распространение. Уже три года назад в Ленинграде было 330 команд. Между командами двух столиц идет упорная борьба. В 1928 году сборная Москвы одержала первую победу над бывшими до тех пор непобедимыми ленинградцами. С каждым годом Москва завоевывает все успехи.

За последние годы огромное распространение за рубежом получила канадская хоккей. По канадским правилам, команда состоит из 7 человек. Вместо мяча применяется шайба из твердой гуттаперчи, вместо коротких клюшек — длинные палки. Игра продолжается 50 минут. Если за это время результат не достигнут, дается дополнительное еще 10 минут.

В скандинавских странах играют в хоккей-бенди. В бенди играют без бортиков, с высовыми воротами, в которые можно бить высовыми мячи. В советском хоккее взят за основу «бенди», но из канадского хоккея заимствованы игровые ворота и боковые бортики.

На хоккейном поле.

Все участники команды, включая вратаря, на коньках.

Перед началом соревнования игроки обычно располагаются в следующем порядке: в воротах — вратарь, перед вратарем — два защитника, дальше стоят три полу-

КАЧЕСТВА ХОККЕИСТА

Трудность хоккейного бега в том, что невозможно равномерной работой рук: одна рука держит клюшку. Удерживая равновесие, хоккеист бежит с наклонен-

В хоккее существует один основной закон: игроки должны быть все время в движении, поддерживая связь с тем, кто ведет мяч.

Хоккей требует от нападающих резкого старта, быстрого бега, умения вести мяч.

От полузащитников — умелого маневрирования.

От защитников — высокой конькободной техники, силы и быстроты.

Хоккейный вратарь должен обладать большой смелостью и глазомером. Его работа значительно сложнее, чем работа футбольного вратаря: ему приходится часто падать под острые лезвия клюшек, бить мячи под вынесенными клюшками. Основное правило вратаря — задерживать мяч ногами и только в редких случаях клюшкой. Вратарь ставит ноги так же, как и при обычной воинской стойке: пятки вместе, носки врозь, — чтобы увеличить площадь захвата мяча.

Хоккей — сложная коллективная игра — требует от игроков большой и всесторонней тренировки.

Утренняя зарядка, спортивная гимнастика, бег и лыжные прогулки летом — все многообразие спорта составляет тренировку хоккеиста.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая — Гордость народа; Б. Агапов — Исторические дни (очерк); А. М. Горький — Невзвешенные рассказы: «Колоса», «Дележ»; Д. Лебедев — Непобедимые (очерк); Валерия Герасимова — Самое прекрасное в мире; Павел Панченко — Трибуны (стихи); ПУШКИНСКИЕ СТРАНИЦЫ (С. Волли — Нензгодная печать; Ю. Нейман — Скажи Пушкину; И. Дементьев — Болдинская осень); Жорж Милльери — Жизнь словес (рассказ); Евг. Кригер — Настоящее могущество (изучный очерк); В. У. — Открытие Южного полюса; В. Венков — Формуляр обвиняет; В. Виктор — На краю реки. Заметки об интересных книгах. Шахматы.

На обложке: старинная Гравюра-репродукция Красной земли, бойцы Сибирского Краснознаменного Даваловосточной — ст. Кем Ей Гир и Федор Котай. Фото И. Шенга. На обороте обложки: «В школу» Фотограф И. Гущина.

Да здравствует
Сталинская
Конституция—

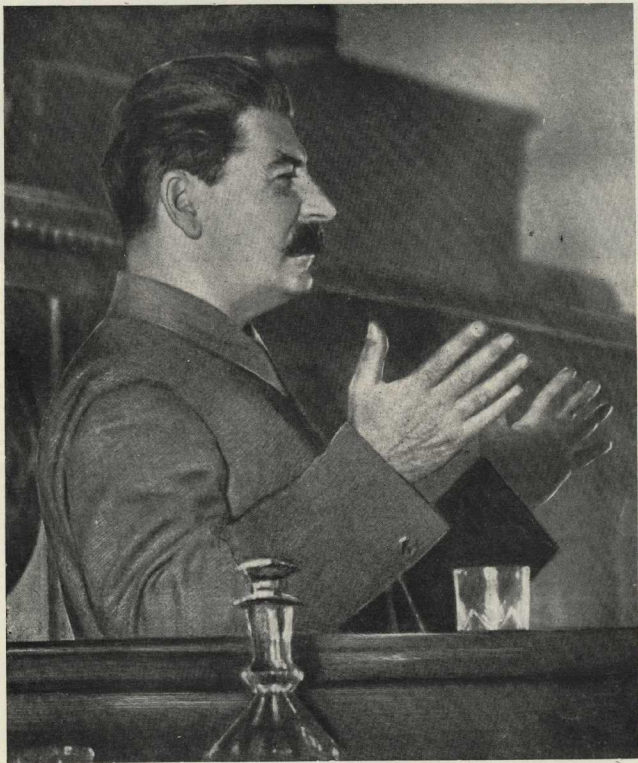
смена

Орган ЦК и МК ВАСКСМ

№ 12

Декабрь 1936 г.

Конституция
победившего
социализма!

«Теперь, когда мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведет ныне борьбу против фашистского варварства».

(Из доклада И. В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII съезде советов).

Москва. Большой Кремлевский дворец. Здесь являл земли советской—Чрезвычайный VIII съезд советов—утвердил сталинскую Конституцию—Основной Закон нашей родины.

ГОРДОСТЬ НАРОДА

С 5 декабря 1936 года в Союзе советских социалистических республик действует новая Конституция.

Ее утвердил, выразил волю всего многонационального советского народа, Чрезвычайный VIII съезд советов.

Проклят, написанный нашим отцом и учителем, стрелкостреленный и пополющенный под его руководством лучшими людьми нашей родины, став исполненным законом.

Союз советских социалистических республик—это страна могучих заводов, гигантских электрических станций, самого передового в мире земледелия.

Страна, где нет эксплуатации человека человеком.

Страна, где на улицах городов и сел не увидишь вывесок с фамилиями владельцев, ибо все лавки, магазины, фабрики, заводы принадлежат государству, то есть всему народу.

Страна, где впервые за многовековую историю человечества, труд стал источником радости.

Страна самого короткого в мире рабочего дня.

Страна, где лучше сады и дворцы отданы детям.

Страна, где никто никогда не подумает смириться или стыдиться своей национальности.

Страна молодежи. Единственная в мире, где юноши и девушки, достигшие восемнадцатилетия, избирают и могут быть избраны в органы власти и государственного управления; где есть начальники дивизий, профессора, директора гигантских предприятий моложе тридцати лет. Где никто не хочет считать себя стариком...

Такова страна. И все ее краски, все пестрое многообразие ее радости, творческой жизни выражены в десяти словах статьи 1-й сталинской Конституции:

«Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабоче-го и крестьян».

Восемнадцать лет назад Ленин писал: «...выражение социалистическая советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими» (Ленин. Т. XXII, стр. 513).

В сталинской Конституции слово «социалистическое» есть точное обозначение сущности нашего государства. Тот, кто привнес нашу родину к этой всемирноисторической победе, сказал с трибуны Большого Кремлевского дворца:

«Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществляло в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или второй фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм».

Сейчас, вся страна отвечает на эти простые, но такие величественные слова бурей восторга.

У фашистов, у контрреволюционной троцкистско-энкавелевской сволочи сталинские слова не могли не вызвать новый припадок бешеной злобы против советского народа. Гитлеровские, подлые враги трудящихся—троцкисты-энкавелевцы—заклочили союз с термисовой фашистской агентурой и вместе со шпионами и диверсантами пытаются исклонила арелдтла делу социализма.

Заведная цель этих фашистских бандитов—восстановить капитализм в нашей стране, отнять у народа те добитые кровью права, которые записаны в сталинской Конституции. Поэтому мы должны еще больше усилить революционную деятельность. В нашей стране нет больше антагонистических классов. Но в

нашей стране живут еще последние разгромленные эксплуататорских классов, связанные с капиталистическими орудиями Советского союза. Как-то эти остатки классового врага пытаются и будут еще пытаться напасть удары нашему строю. Об этом нельзя забывать ни на минуту.

Сталинская Конституция раскрывает перед родной нашей страной перспективы.

— Чем мне ответить родине? Как заслужить похвалу любимого, родного Сталина, творца Конституции, которую ты, Косарев, выразил чувства советской молодежи, справедливо назвала «Конституцией счастья и радости»? Какие новые качества надо в себе развить, чтобы не отстать, чтобы попасть в ногу с назначенным традиционным движением страны от нынешней к высшей фазе коммунизма?

Нет, юноши, нет девушки в нашей стране, которые не востолкали бы сегодня эти вопросы.

Буржуазия, по меткому замечанию Энгельса, делает различие между правами и обязанностями. Себе она забирает все права, а на рабочий класс возлагает все обязанности.

В СССР, где нет эксплуататора и эксплуатируемых, где сами трудящиеся—хозяева своей страны, каждому право гражданства соответствует с его обязанностью.

Тебе дали гарантированное государством право на труд. Используй же это право так, чтобы укрепить свою родину, чтобы сделать ее еще более могучей и богатой. Помни, что в еще более могучей и богатой. Помни, что в окончательном тексте Конституции труд назован не только «обязанностью», но и «делом чести» каждого гражданина.

Тебе дали право на отдых. Используй же это право так, чтобы закалить свое тело и дух в трудном бое, когда придется защищать рубежи нашей родины от озверевых орд современных злодеев—фашистов. Помни за-

мечтаемые слова главы советского правительства тов. Молотова:

«В защите интересов мира и мирного труда для народов СССР мы по-настоящему верим только в свои собственные силы».

Тебе дали право на образование. Не забудь, что писал руководитель Ленинского комсомола тов. Косарев в день открытия Съезда советов:

«Образование перестало быть личным делом каждого молодого человека: долг перед родиной обязывает его учиться, упорно и настойчиво овладевать знаниями. Невозможно — помню для юноши и девушки В образовании — клочок в наших дальнейших победах».

Передовая советская молодежь показывает конкретными делами, как надо отвечать на сталинскую Конституцию.

Новыми, ставшими рекордами, поступлением в школу летчиков, глубоким изучением материалов Чрезвычайного VIII съезда советов — усилении работы на всех участках — вот чем отвечают передовой коша, передовая девушка нашей страны на сталинскую Конституцию.

Смертоносный фашизм за рубемами нашей родины уродует миллионами молодых людей. Он отнимает у молодежи хлеб и книгу, превращает ее в бесцельное «пушечное мясо».

Фашизм поджигает новую мировую войну, чтобы итти слить себя и своих людей — империалистическую буржуазию — от неизбежной гибели. Но история никогда не шла вспять. Революционный фашизм раньше или позже будет разгромлен. «Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства» (Сталин).

Есть еще одно право, которым мы алеем. Об этом праве говорил в своей блестящей речи на съезде тов. Жданов.

Право строить и побеждать под руководством великого Сталина.

Самое высокое, самое драгоценное право.

Нет большего счастья на земле, чем пользоваться этим почетным правом.

Памятна, безгранична, неизмерима любовь молодежи к отцу ее, к другу и учителю ее — товарищу Сталину. Она отдает все свои силы делу укрепления социалистического строя, делу Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Под знаменем большинства партии, под знаменем сталинской Конституции мы пойдем вперед для завоевания новых побед коммунизма.

БОРИС АГАПОВ

Исторические дни

Страницы сталинской Конституции подобны страницам истории. Если бы и вправду представить себе огромную книгу тысячелетий, то именно на август 1936 года читатель далекого будущего остановился бы, затанцевал: вот вершина, на которую поднималось человечество долгие века. Законам Солон, Великая дартия воленостей, Декартия прав человека и, наконец, все утопии, от Томаса Мора до мечтателей XIX века, — все это — только предчувствие этого грандиозного акта, только ступени, оставшиеся далеко внизу. Как счастливы те, кто были свидетелями и участниками дела, слава которого озаглавила мир!

«Надбры стоит над Москвой. Суровый, северный, туманный. Еще ранний вечер, но уже темно. Зоры нам мором маяками. Уходит во арак башни Кремля, и неподвижность их — недвижность утесов, мимо которых несет по ток времени. Вдруг мы почувствовали его: оно простиралось в страшную даль прошлого, Больных часов и мелкая рыба секунд подносит нас все ближе и ближе к моменту, к которому готовился мир так долго.

Мы спалим. Съезд начинается в 5. На десятих, сотни миллионов. Мы торжествуем с работы на заводах, мы всемся на аймак с охоты в Арктике, мы торжествуем радостно на пароходах во всех океанах мира, мы подпеваем антиимпериалистическим восткам в тайге... На вершине Эльбруса, в металлической тесноте подводной лодки, в заснеженных снегом долинах Урала, в блоках газуах пограничных застав — мы готовимся слушать.

Эфир гудит. Из гудя проносятся голоса... Томный варшавский тенор поет тавго, сдержанный голос из Осло сообщает, что победоносная армия мира приюждена Карлу Оссукуму, и Берлин разражается оглушительным маршем.

— Германия! — рывает Берлин. — Сегодня герр фон Риббентриг подписал германолопское соглашение о борьбе с Коминтерном.

— К соглашению приложен секретный протокол, — сообщает Лондон.

— Соглашение направлено против Америки, — говорит Вашингтон.

— Алао! — говорит Хабаровск. — Вера лано-манчжурской страд пересекла границу в районе к юговостоку от поранчаного аяна № 20.

Мадрид пымает, оглашаемый стоном умирающих испании и детей. Сегодня фашистские самолеты бросили над ним 400 бомб; 3-й полк помогает эвакуировать совращенца искусства.

Ватикан басит своим органом послабленную мессу, рекламирует бискупальторы Кравос, танцует Папия, позыбам о де ля Роке.

Тревожная ночь начинается над континентом. И вдруг мощный толчок вырывается из репродуктора.

— Алао! Говорит Москва.

Никонец, говорит Москва!

— Алао, включало ала! — говорит Москва. И мы входим в ослепительную просторность Кремлевского зала.

Алаи, самые разнообразные, разнополые, по-разному одетые. Звучания языков, зпение из которых уо слышит впервые. Названия городов и селений самых отдаленных. Термины, собственные профессиям самым различным, и фамилии, известные всей стране. Руноплатия, восклицания, улыбки — сколько неожиданных встреч!

По стрелки приближаются к пяти, и 2016 делегатов занимают места.

Двенадцать лет назад II съезд советов СССР принимал первую Конституцию нашей страны. Тогда в зале Большого театра сидело 1533 делегатов. Пророст произошёл от общего прироста населения страны, которое увеличилось на 30 миллионов человек, — число, равное почти всему народонаселению Польши.

Многие города не были представлены на том съезде: Мангитогорск, Кировск, Комсомольск, Березники, Караганда, Сталингорск — по той простой причине, что их тогда еще не существовало.

Многие заводы не прислали на тот съезд своих делегатов: Челябинский, Харьковский и Сталинградский тракторные, Московский и

Исторический вечер 5 декабря 1936 года в Большом Кремлевском дворце. Набравники советского народа, делегаты Чрезвычайного VIII съезда советов, голосуют за окончательный текст Конституции.

Горьковский, автомобильные, Запорожсталь, Краматорский, Магнитка, Кузнецкий... не простили по той же самой причине.

Новая страна, преобразованная страна пришла сюда и шумит оживленно, шумят газетками, переключаются — Удобенства с Мурманском, Камчатка с Владивостоком.

В глубине, в шпаш, статуя Ильича, вделанная из тех толстых губами луми прожекторов. Перед ней толпа президиума, пока белодыши; ниже кардара, свернувшаяся стелом графина и никелем минифонном, страна и слава, от нее места маршюков и членов ЦК. Ложи дипломатов помни. В первом ряду амфитеатра музественные лица, аме гасстун, блузы жисте лант, испанские делегации.

Шум умолкает.

Все мы напряжены ожиданием. Наконец, минута стрелка делит последний скачок, и толгас

в голубые лучи копютеров, направленных на трибуну, стремительно ахолит тов. Калинин. Немногого стол, седой, он становится за громадным столом, опустив голову, чтобы защитить глаза от ослепительного света.

Слово за ним идет член Политбюро, средний из них — Сталин.

И тут...

Тут начинается наша встреча.

Мы алжориваемся с другим.

Мы протягиваем ему и его соратникам для почития нашу громадную руку — четырех тысяч, нет — ста семидесяти миллионов людей.

Но так как так же физически непереносим, мы раздробилим наше почитие с миллионом впадоистов и послаем в итоге грохот, как на плещущих врынах, нашу дружбу, нашу любовь, нашу признательность ему, и он отвечает нам тем же. Так мы приветствуем друг друга, безмерно счастливые от этого свидания, и не можем остановиться.

—Милана! Иванович произносит краткую реву, и в 5 часов 18 минут 25 апреля 1936 года открывается Чрезвычайный VIII съезд советов СССР.

Он начинается именем «Интернационал», выбороми президиума — Сталин, слаником простыми, чтобы передать свое намерение, все значение того, что они обозначают:

— Слово для доклада имеет товарищ Сталин.

Слани поднимается на трибуну, а мы стоим ему зашекру, мы поднимаем руки и алжорив ему над головами, возмывая срываться с плет и вносятся в воздухе, как алое пламя.

Сталин выхватывает воду из стакана, неторопливо пьет, раскрывает и вновь закрывает платку с материалами, вынимает платок, проводит им по усам, оглаживает на председателя, как бы прося усмирить нас, но председатель босомощен. Зал бурнует. В врынах и рукопожатиях жисте толку зловония. Наконец, наступает тишина. Но у нас такая, что, кажется, улади маждат в первом ряду — а последним будет слышно.

И начинается речь.

Нельзя передать ее никакими словами, чем она была сказана. Нельзя ее сократить. Она врезалась в память все, от первого до последнего слова.

Сталин говорит, как всегда, медленно, отделяя слово от слова, не помышляя голоса, почти не жестикулируя. Иногда он кладет правую руку на край кафедры и немного отклоняется назад, как в момент отступления с мему, который готовится изложить. Иногда он делает короткое движение кисти руки, как бы говорит: «Вот видите, товарищи, в чем дело». Но чаще всего он сидит неподвижно, а правая лежит за бортом военной куртки.

Ведомое его простыми, всем понятными словами, мы возвращаемся ко времени, когда наша страна была слаба. Когда промышленность страны не достигала даже скромных уронтов. Когда сельское хозяйство представляло несобойный огонь мекки, сельскохозяйственных с отсталой, срыженной тенишкой и колхоза с сохосами были малочисленны, отсталы и втум осяске. Когда торговля страны находилась под полным монополизмом в руках чужаков.

И вместе со Сталиным возвращаемся мы к нашему времени и к великому успеху с мущиним.

Алжоривности мы возвращаемся в зал — так потрясает нас это сравнение.

Четыреста тысяч тракторов мощностью в 7,5 миллиона лошадиных сил работают на земле, освобожденной от капитализма. В 7

раз против довоенной амеа продукция индустрии. Нет больше частной собственности, и —эксплуатация человека человеком уничтожена.

Простые слова. Они сказаны совсем спокойно.

А ведь эти слова — мечта столетий! Они были раньше утопией, которая казалась неосуществимой.

И вот мы входим в эту утопию, как в нашу повседневную действительность, и входим за Сталиным вглядываемся в нее. Спокойный, почти незаметно, раскрывает нам ее черты.

Мы видим общество, состоящее из двух классов, но не враждебных, а дружественных один другому. Мы видим все богатства принадлежавшие всем людям.

Мы слышим надин, забывшие великую вражду и объединенные в мощное единство, блистающее всеми лучшими чертами каждой.

Вместе со Сталиным записываем мы эти излияния наблюдений, и новая Конституция встает перед нами статуя за статуей.

Да, новая Конституция есть не программа, а реальность. Не обещание, а факт. Это самые правдивый, великодушный и человеческий из всех законов, созданных человечеством.

И потому бессланиа и смешна любовь, которую пытаются затупить не сияние нашей Великой Сталинская врония — странное орудие. Тот, кто кому обращен его сарказм, испытывает укус.

Сорунительная сила чувствуется за этой безобудной улыбочкой, которая появляется на спокойном лице вождя, когда зал грохочет хохотом и идет на его шутку.

— В одном из его спичево-рассказов, — назначает он, и брови его поднимаются дуем улами, а глаза весело оглаживают зал, — великий русский писатель Щедрин.

Да, господа критики не баранского офицера, а также те, рукоумор которых мы являемся, а также вам пришла в этот вечер! В ответ на алжорива и востерический крик: «Бастов!» мы получили струю холодной воды такого давления, что к секунду приобрели вид морских петухов.

И, не обескуражившись на это смешное зрелище, мы начинаем продолжать свой анализ. А мы, смея за его мысленно, измороженно дуем. Об образе этого человека, который не есть ал образ всего лучшего, что должно быть в каждом из нас?

Он говорит с залом, как будто с глазу на глаз с каждым, хотя весь мир слушает его. Он излагает основы всей жизни шестой части мира, ставя перед собой единственную цель: изложить перевод и обобщить смысл великого вета партии и страны. Как великий ученый, озабочен он только правдой и правдивостью изложения. С величайшим уважением относится он и к той правде и к тем, что слушают его, знает, что только лишь тут, где дается в пишущих оловцах. Это больше чем скромность: это мудрость, это — целое миропознание, которое ставит выше всего объективную истину, необходимую для просторий мира, и относится с отчаянием ко всякой мистицизму, истерии и эффективности.

Сталин медленно кладет слово за словом, водворяя здание ослепительной яркости и строгости.

Иногда единственным жестом за всю речь — поднятыми вверх руками — Сталин кончает доклад и слова о новой борьбе для завоевания новых побед коммунизма летят в зал, они поднимаются нас воню.

Мы провозглаем вождя бурей восторга, и съезд продолжает свою работу.

Если бы какой-нибудь посторонний наблюдатель взглянул на повелителя главной лараторной черты нашего народа, вглядываясь в сяд, в его делетаты и ораторов, нелегко бы ему пришлось!

Менее быт, вослоссть — основная черта этого народа?

Да, сяд, верховный хозяин шестой части мира, — всемогущий хозяин. Перед началом заседания он тут, то там в зале испытывает неси и зумиче, алжоривности, не меньше, а друг друга, потому что помещение огромно.

А послушавши бы ам, что творилось в зале, когда говорил Ленин! Каким хохотом отвечал съезд на его острую и умную иронию!

Смеется все — президиум, в котором штерственнейшие лица страны, работники и писатели алжорив, коммандеры — герои суровых походов... Серьезность сократит только один человек — докладчик.

— Что такое Сталин? — спрашивает он... Это есть способ уничтожения изловаста посредством уничтожения изловастов.

— Что такое комитет по неменьшательству? Это собрание, которое не выношится в дела о неменьшательстве.

— Что такое разговор о том, что мы хотим создать советское правительство в Испании?

Это басы для малышек детей и больших дураков.

И бурное веселье снова бурнует в зале.

Действительно, может быть, он и есть оловаст?

Но вот алжорив друг оратор. Он молод, он говорит о молодежи, он приводит героические цифры молодежных побед. Миллионы молодежи послали сюда его товарища.

Потти половина страны — молодежь. Потти половина всех социалистов — и страна — молодежь. Управляет заводами и цехами, делает новые открытия в науке, ставит мировые рекорды — это молодежь. Есть племе предпринимателей, которые находят работников, не превращаят — 25 лет. Целые города, построенные и населенные только молодежью. Может быть, это и есть «основная черта нашин»: гегемония юности?

Но на трибуну выходят новые ораторы. Аладемак с сарбодной головой: Товарищ, соловаста гвардия науки... — произносит он, и сяд гремит аплодисментами. Старые мастера театра, бывшие знаменитыми залодо до революци, передают шпаше критикуму. Профессор, артист хирурги, за плечами которого лексия лет замечательной работы, говорят от имени молодой советской медицины.

Итак, как видно, не только молодежь делает великие дела в этой стране!

Смотрите! Расстроились все даэри, и сипательные звуки медь вылетают в зал. Тридцать фарфоровидов идут по центральному проходу. Из трубы простерты швер.

Техники, завоевание в черную ковку, летчики в амеа-аэропланах с изуморенными рабынами за спиной, отбояривающие в мушкет-племаз. Удары лгатов подпадают своему ритму грохот аплодисментов. Сталинная деления в деле в этой стране!

Вот комитет по неменьшательству, а вот в проходах, как бы говоря: «Работайте спокойно. Мы окариваем вас».

«Ага... послушам бы тут посторонний наблюдатель... — оловаст у них то, что они военная страна».

И действительно, в какой стране народ так близок армии, как в Союзе? Так обоевает свою армию как в Союзе? Вот почему народ аплодисментов промывается женский голос:

— Да здравствует напп...

Делуна останавливается на секунду, подмигивая, сный лучший винтот.

Да здравствует наша Красная армия! — кричит она, и найденным втем словом возмает опять стаю рукоплесканий.

Но вот на трибуне еще оратор.

Нерусский ритм! Удары торжественных звуков, певучая выборка гласных, перекрасный итческий ритм... Сталин! Поэзия выступает на сяде.

Ритмический бы посторонний наблюдатель.

Что это за страна? В нем найти ее основную особенность?

Юная она или ударишенная опытою?

Рослеала она или сурьезная?

Страна военной мощи или страна уронтов и поитов?

Никого из нас не смутят эти вопросы. Еще и еще раз перечитав речь Сталина, мы сяд...

Победительная сила научного анализа и несокрушимость революционного действия.

Полнокровная молодость влеса и мудрость исторического опыта.

Энергия, для которой всякое измывание премерено.

И величайшая, крепчайшая вера в трудящегося человека.

Вот образ нашей страны.

НЕПОБЕДИМЫЕ

Очерк Дм. ЛЕБЕДЕВА

ДЫХАНИЕ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА

Ночью Мадрид тонет во тьме. Мутными брызгами падают на тротуары слабые отсветы фонарей, затененных синими стеклами. Станут у мостов одинокие фигуры часовых. Город-фронт. Город, у ворот которого в смертельной схватке столкнулись два мира: демократия и фашизм, свобода и варварство. Думала ли когда-нибудь средневековая испанская революция, что столица Испании станет непрестанной крепостью в борьбе за общечеловеческую культуру и свободу?

В Мадриде равные голявки:
«Но разганы!» («Они не пройдут!»)

Теперь говорят:
«Ravengano!» («Мы проедем!»)
Героические защитники Мадрида («эфренсеры») продолжают в себе силу. Уничтожена половина могущества фашизма и их римско-барбарских поворотников, выстрелилась легенда о непобедимости маэвров. В самом себе испанский народ откопал теперь могучие источники непобедимости.

Этнографическая традиция знает племена словоязыки, а считает племена раздвоязычными — раздвоязычниками. Но споконветие немецких фашистов давно уже лопнуло, и они предостановили Фрэнко захватиться варварскими уничтожением беззащитного мирного населения и культурных ценностей Мадрида. А испанский народ, отстоявший свою столицу, проявив хладнокровие и выдержку, которым могли бы позавидовать англичане.

В дни воздушной бомбардировки Мадрида заграничная, сочувствующая фашистам печать «с сокрушением» писала об «ужасах Мадрида», об «отчаянии, охватившем будто бы население столицы». Она «убеждала» испанское правительство в необходимости сдать столицу, «чтобы спасти мирное население». Страшная «гуманность»! Не лучше ли было бы адресовать ее тем, кто превращал в развалины лучшие здания Мадрида, его замечательные памятники зодчества и скульптуры и зорким, полные величайшей прозорливости искусства?

Но испанский народ предпочел обойтись без таких советов. Вот сонная пачка мадридских газет. Это газеты разных партий, разных идейных направлений. В прошлом их разделяли крупные политические разногласия. Сейчас их объединяет одна общая цель — победа над фашизмом.

Коммунистическая «Мундо обiero», прежде болевшая, многоголосная газета, сейчас выходит на четырех страничках сорок бумаж, сплошь занятых напечатанными фронтонными газетами 1919—1920 годов.

Над типографиями рвутся фашистские снаряды.

В промежутке между верстой первой и второй полос сотрудничества уходят в подвал, чтобы там убраться от шуршания ламаты («Юльерос» и «Кадрони»). Здесь, в подвале, редакция нередко готовит очередной номер.

Были случаи, когда яростные бои на подступах к столице задерживали доставку бумаги. Тогда газета выходила урезанной, сокращенной в объеме. Но всегда неутомимо гремел ее голос:

— Только вперед! Мы можем победить, и мы должны победить!

Тот же дух непобедимости и вера в народ вдохновляли все газеты народного фронта.

— Вооруженный народ выполнит свой долг! — заявляет «Эль сонсикат».

— Боротись и победить! — У нас есть все средства для победы! — провозглашает «Амбер таль», типография которой разрушена фашистскими бомбами и которая печатается в руинах.

— Мадрид не будет занят фашистами! — заявляет «Эль сол».

Мы должны победить! — кричит «Аора», бывшая равнина рупором реакции, а теперь перешедшая в руки народа.

На восточных путях от столицы к Валенсии, к Гвадалахаре, к Альбасете тише: потухли, померкнули газетный пономарь Мадрид. Холодное солнце, поднимающееся за стрелчатыми вершинами восточной окраины, освещает медленно ползущие зарывы. На

Бойца народной милиции (рисунки на шпалты «Атлас» для фронт» — «Громкоговоритель фронта»).

линиях уходящих — споконветие. Просто и уверенно звучат голоса:

— Мы вернемся. Скоро. Мадрид будет могилкой фашизма.

ВОЙНА ПРОТИВ «ШЕСТОЙ КОЛОНЫ»

Как утверждает Фрэнко, кроме его четырех колоний, наступающих на Мадрид, у него есть еще пятая колония — сторонники фашизма, силящиеся в республиканском лагере. Их много: бывшие офицеры, бывшие министры, бывшие депутаты.

Варвары («гражданская гвардия»), бывшие члены фашистских банд «Альфонс популяр» и «Фаланкс оспонимос». Их тысячи в Мадриде и других городах. Раньше они гнездились в германском, итальянском, астрейском, артезианском, финляндском покаяльцах, которые по слову понимали так называемую дипломатическую неприкосновенность. Конечно, в расчете на эту «пятую колонию» полковые и германские фашисты сообщали о торжественном входе Фрэнко в Мадрид, когда его колонии оттаивали лишь под ударом правительственных войск от Карбабача, Ялене: замаскировавшись, а затем таинственно в своих шорах фашисты, усмывая артиллерийскую канонию, должны немедленно выступить и удержать в тылу республиканских войскам.

Но это оказалось совсем не так просто: республиканцы создали свои трибуналы, где заседали коммунисты, социалисты и социалистическая молодежь (объединенная, в нее входит и комсомола). Эти трибуналы судили и беспощадно. Фашисты пробовали выступить в тылу. Это кончилось для них плохо: их убили с пути. В борьбе за свою свободу народ доказал быть беспощадным к предателям.

Теперь Фрэнко рассчитывает на «шестую колонию» — так в Испании называют трусов. Эта колония тоже довольно значительная. Это люди, которые больше всего дорожат своим домашним уютом, своим спокойствием и своим благополучием. В то время как лучшие люди народа сражаются и умирают за свободу своей родины, эта «шестая колония»

(Окончание на стр. 10).

Madrid, 11, octubre 1936 SEMANARIO DE GUERRA Número 9

LA INDISCIPLINA DE ALGUNOS ES EL ARMA MEJOR DEL ENEMIGO

Менос de aplastar los siguientes tipos:

1. El prometa desorganizado o fustigado.

2. El soldado que siempre le parece mal la decisión del Mando en su sector y lo hace en las demas.

3. El que culmina a nuestra herencia, legendaria o moderna, pretendiendo que toda idea opuesta a los tres moros que estan frente a su paradero.

4. El que no sabe mas frase que otra. Asi no se puede luchar ni vencer.

5. El autor, el destructor de quinquillo y bofetada comparsas.

6. El acaparador en pequeña que tiene cinco minutos y siete tardes guardadas en un rincón.

7. El que todo al que exalta en extraño culto a culto Libertad, que consiste en correr, a como trueno cuando le parece, y QUE SEMPRE CONVINCE CON EL ATAQUE ENEMIGO En aquel momento ha visto, este tipo de fascista entusiasta, comienza a fallar en su cometido o batalla, y se dice correr a sublevarse, después de pasarse durmiendo, o a decir: «¡Pase!».

8. Este tipo de enemigo, no ves por que los Regulares y el Tercio, hemos de morir en su caso. Asi no se puede luchar ni vencer.

9. El que no sabe mas frase que otra. Asi no se puede luchar ni vencer.

EL UNICO SOLDADO. Un solo soldado con fuerza y desorganizada disciplina.

«Нерро» («Железо») — орган моторизованной пулеметной бригады испанской народной милиции.

Неизвестные рассказы А. М. Горького

Рисунки И. Гринштейна

«Век глаза ее были опущены книзу, как всегда это бывает у людей, много плававших...»

М. ГОРЬКИЙ

КОЛЮЧА

Набросок

Работа в «Самарской газете» — один из важных этапов в творческой биографии А. М. Горького. В 1893 году Алексей Максимович помещал в этой газете, кроме 130 фельетонов, подписанных Пестрилом Халифой, 2 стихотворения и 26 рассказов.

Шесть рассказов из этой серии («Однажды осенью», «Старуха Ивериль», «На плоте», «Дело с востежками», «Мой спутник», «Вывод») неоднократно перепечатывались и широко известны читателям. Остальные же рассказы в течение сорока лет пребывали в безопасности на страницах старой провинциальной газеты (перепечатка была лишь в кубинской газете «Волжская коммюна»).

Мы помещаем два из этих рассказов: «Делаж» и «Колоша», ярко рисующие положение детей в капиталистическом обществе.

В самом бедном углу кладбища, среди осипавшихся, размытых дождем и расплывшихся ветром мотыльные домики, на одном из них, под кружевной тонкой дуги чахлах березок, сидела покаянная женщина в старом ситцевом платье и в черном платке на голове.

Прямо полусидя, голову спускалась ей на левую щеку, сузю и морщинистую, тонкие губы были плотно сжаты, и их углы опускались книзу, образуя скорбные складки по обеим сторонам рта, и между губ ее тоже была опущенная книзу, как она отнеслась к моему плавному догадыванию, и не спавший моего тоскливо мечи.

Она сидела неподвижно все время, пока я наблюдала за ней издали, и не пошевелилась, когда я подошла к ней; она только поднимала на меня большие тусклые глаза и снова равнодушно опускала их, не выходя ими ни волею, ни смущения, ничего, что бы повлекло меня догадываться, как она отнеслась к моему поведению перед ней.

Я похоронилась с ней и спросил, кто здесь лежит у нее.

Она ответила покорно и равнодушно:

— Сына...

— Бельшой?

— На тринадцатом году...

— Давно умер?

— Питий год пошел...

Она вздохнула и заправила волосы со щек под платок.

Было жарко. Самцы беспощадно палили горло мертвых; тонкая трава на могиле побурела от солнца и пыли, и жидкие деревья, уныло торчащие кое-где среди крестов, точно и они были мертвы.

Отчего он умер? — спросила я женщину, выгнув голову на миглу ее сына.

— Лошадь раздала... — кратко сказала она и поджала земную холма своей морщинистой рукой.

Как же это случилось?

Я чувствовала, что я недогадала, но равнодушие этой матери и интриговало и раздражало меня. Мне, в силу какого-то таинственного закона, хотелось видеть слезы на ее глазах, хотелось увидеть, что она так же равнодушно и равнодушно, как она отнеслась к моему поведению перед ней.

Мой вопрос заставил ее снова поднять глаза на меня. И молча, тщательно оглядев мою фигуру с головы до ног, она так же равнодушно и стала рассказывать задушно и ровно...

— А видите ли, как это случилось.

Отцу его в тюрьме сидела года полтора за раскаты каменных делов, и в это время мы все достали свои и прощали. Мама была, достаточна. И к тому времени, как выдти отцу из тюрьмы, я уже лечу-то хреном-то плала. Подарила мне отгородил один из него-то года — я его впустила, да пошла с незнанием и злостью. Угарно. И от зароси — а плах. Колоша учился в ту пору. Бойкий он был... и домыслил. Идет бывало из училища — щелку, плавно как увидит, сейчас поцелуй и домой. Да... Веса была, такая ука, а сполонивший-то у него еще валины были. Бывало, измучен... Снимет он их, а покончат-то хранили. В ту самую пору отца из тюрьмы выпустили и привели на измученной домой. Паралел его разбил в тюрьме-то. Делит это он, уламывается таково ксило, а я стою над ним и думаю: чем я его-то еще, побугиная моего, кормить буду? Так бы и лужу на улицу и вышвырнула. А Колоша-то смогит и плачет. Поблудила весь, смотрит на отца, а по щелка-то слезы — кривые-кривые — так и бежит. «Мамоша, говорит, что это оп?» — «Делаж», говорю... Да. И пошло с этого дня. И пошло-с. Мечусь я как угорелая, а больше двадцати человек, да и то в счастливый день, достало по мосту... Смотрю молча... Хоть руки на себя наломалась. А Колоша-то смогит... и такой тонный становится... Как-то не стерпела я... «Ованная жизнь, говорю. Измучил бы... А то помирай, бы тот из который...» Это А то нах, я на отца-с Колошей. Отец-то чиняет головой: я, дескать, скоро помир, не ругайся, потерпи. А Колоша... посмотрел на меня, да и ушла из дому-то. После опомнилась я... ну, опомалась уж. Снова плала, да Петру что часту, сударь мой, не прошло с той поры, как он, Колоша-то, ушел... является по-прежнему на животики. «Вид господна Шенкина?» Я ти сразу пошла вонеслась... «По-малуюте, говорит, в большину — сына выгнел, говорит, лошади купца Антошка забили...» Пошла я в большину. На промыве-то точно на раскаты каменных делов. Думу про себя, окаянная ти женщина, плакала Понесал, Делит он, Колоша-то, обывавший весь. Уламывается... и смеши у него из глаза текут... Тихонько так шепчешь... «Мамоша, прости! Делит у окаянного-то».

«Каше, говорю, Колоша, делити, бог с тобой?» — «А те, говорю, делити, которые публика мне набросала и Антошка дал...» — «За что?» — «А вот, говорю, за это...» — «А он, такую же, да...» — «Где-то больше у него. Я говорю: «Колоша, да как же ты это, батюшка, не выдлет?» А он... сударь мой, мою такую и говорит мне: «И видел и е...» — «А... мне не хотелось убито. И думала — колы раздалит — денег дадут... И дамы...» Вот... так он сказал... Поняла я, уразумела, он, ангела, но поздно. Погугри он и сполонялся... В памяти заселась... Колоша, как Колоша, купит, говорит, пале того-то и того-то, и себе, говорит, купит... Деньг, дескать, много... Деньг действительно — сорок семь рублей было. Холала Колоша, говорит, во и дал пятничному и ругается. Мальчишка, говорит, все это видел — сам под лошадей бросился, а ты хитришь хитришь...

Я уж и не помню больше. Вот как все это случилось, сударь мой.

Она замолчала, талая ее равнодушием и судала, как и до своего рассказа.

На кладбище было тихо и пустынно; кресты, чахлах березки, мотыли ины, домыли немали и равнодушие женщины, сидевшая в скорбной позе на одном из них, — все напоминало о горе людей и смерти.

А белое-белое небо было ясно и измучило сузю зной.

Я достал из кармана сколько-то денег и протянул их этой еще при жизни омертвевшей от несчастья женщине...

Она выгнула голову и странно медленно сказала мне:

— Не беспокойте себя, сударь мой, у меня на сегодня хватит... Мне ведь немного надо, одна к тому-то... Один человек на свете... И глубоко вздохнув, она снова плотно снала свои тонкие, изрытые-рытые скорбью губы.

От церкви на площадь падала большая и густая тень. Недавно перестал идти обычный детский дождь, и между выбоинами на мостовой площади скопились маленькие лужицы воды. Тусклые там, где их покрывала тень от церкви, они отливали серебром вне границ тени, отражая в себе лучи луны,—полной, яркой и неподвижно стоявшей в мягком чаше неба. Отсюда высоко, и через лагуны, расходящиеся в стороны, слышались тихие раскаты грома. Они, осторожно обходя лагуны, пропадали в улицах—ряд узких каналов, выходящих на площадь.

И вот на ней стало пусто, тихо и печально. Тогда, в тени около церковной паперти, раздался слабый звук металла, упавшего на камени, и откуда-то выскочила маленькая фигурка. Она, странно подпрыгивая, побежала по мостовой и вдруг уменьшилась — не то наклонилась, не то упала на землю.

В то же время из одной улицы появилась крупная, немного согнутая фигура человека медленного шага, направилась к стороне первой. Шла она, не разбирая дороги, и лужицы воды то и дело вслизиывали под ее ногами, разбрызгиваясь по сторонам. Вот они обе сошлись в одну массу, — вторая фигура скрыла собой первую, изогнувшись над ней.

— Ты чего шарить? — раздался хриплый, надтреснутый бас,

— Пятачок! — ответил звонкий детский альтист озабоченно и тревожно. — Стал считать, сколько всего, а он, ерстик, вырвался из рук да и покатился. Сколько вот ищут! — Ах ты!

— Верно знаешь — пятак? — меланхолично спросил бас.

— Ну, еще бы! Она всегда пятачок даст...
 Это вот ее и был.
 — Кто — она?
 — Она-то? Барыня такая...
 — И всегда пятачок? — вадохнул
 большой.
 — Всегда, — кратко и озабоченно
 кивнул мальчик.

И все так же плотно слитые в густое темное пятно, они оба замолакли, тщательно шаря по земле.

— Не найти! Вода. Грязь. А монета крупная. Жаль! — проговорил бас, вздохнула и выпрямилась.

— А заплавать-ни! — вдруг решила маленький и толсто встал во весь рост. Он был горбат, а его собеседник высок, тонок и странно с'ежен. Казалось, что его сильно ударили сверху по голове, и она у него глубоко вошла в плечи.

— Наплевать? — задумчиво переспросил он, — ишь ты! Много, значит, набирал?

— Ежели без пятячка, — двадцать две! — самодовольно ответил горбун.
— Хорошо дают, значит? А вот мне — не жалеет! Ступай, говорят, работай. В трудолюбивый дом. Вроде как бы в тюрьму. Хс! Разве я могу... со всякой равноду? Ты мал вот... ничего не понимаешь.

Он заговорил обиженным тоном, а кончил уже с раздражением. Оба они стояли неподвижно друг против друга.

— Это меня снопали в дом-то, оживиле... заговорила горбатый мальчиш.— Пришел бутюшник... а там этакой дяденька в очках. Бутюшник говорит: «Вот, говорит, ваше благородие,—пойма! Получите!» Тот меня сейчас же мотало цинпать засадила. Марко. Беда! В глаза, в нос—попадает. Уж я чихал, чихал! Ах ты!—И мальчишка засмеялся, вспомнив, как он чихал.

— Ну?— с интересом спросил большой.
— Ничего. Убег на другой день.
— Убег?
— Убег...

— Ага! Вот видишь ты, — с большим торжеством в тоне заявила большой, но не посягнула, что именно нужно было тут видеть. Гло-то в одной из улиц раздались дребезжащие звуки трещотки ночного сторожа. Вслед за ними раздался удар колокола. Печальный медный звук, возмущенный, поплыл в воздухе, медленно угасая и точно жалуюсь на что-то.

— Итти уж! — сказал мальчик и двинулся вперед.

— Ты куда? Квартира—мать-отец есть, али так где? —спросил его собеседник, крупно шагая рядом с ним.

— Я-то? Так. Мать померла в холеру. Я

— Родная?

— Тетка-то? Нету. Где уж ей? Так, злая пьяница... — ответила мальчик, очевидно, имевший высокое мнение о родных.

— Еще бы! Вот как дует... Чем попадаю...

Они вошли в узкую улицу и медленно шагали вдоль ее, держась в тени зданий... Кругом было пустынно и темно. Где-то громкий дребезг пролетки нахально врывается в печальную тишину ночи...

— Отца-то не было, — равнодушно ответил мальчик.

— А! Бывает и это. Часто бывает. У нас тоже вот горничная — родила сына, а откуда? Нет! Почему такое? Где? Тю-тю! — юмористически печально рассказал старший из спутников.

Мальчик тихо рассмеялся и, помолчав, задумчиво проговорил.

— В нашей улице много ребят, которые без отцов родились. Это вот потому все, что у нас было так свободно матери-то их гуляла, — то

— Верно! А ты из какой улицы?

— Я? Из Полевой. А ты?

— А я с той, на которой лучше. У меня

брат, нет квартир-то. Была она... да вчера
выгнали вот...

— А ты кто? — тихо спросил мальчик, поднимая голову и заглядывая в лицо своему спутнику.

— Я, брат, лакей был... Ха-арошный лакей! Большие жалования получал. Ну... спился. От хорошей жизни спился. Где бы держаться мне за фарт и руками и зубами,—я зачертила всюю. Потому—скучно жить. И больше ничего. Я и давай пить. Попил — и пропал. Здерозво попал! Учись вот...

Мальчик молчал. Должно быть, думал, чему можно учиться в этом рассказе. И его спутник тоже молчал.

— Мальчик! — вдруг тихо и просительно начал бывший лакей и почему-то оборвался.

— А?—и мальчик, шагавший задумчиво и неторопливо, приподнял голову.

— Вот что, мальчик... Даа бы ты мне не-
много милостыни-то? А?

— Ишь ты! — сказал мальчик, сухо усмехаясь. Потом он оттолкнулся в сторону от спутника и, весь сжавшись, встал у тумбочки, облокотился на нее и с усмешкой недоверчивого ожидания глядя на своего собеседника. Тот — тоже оставившись и зачем-то поправивший картуз на своей голове, не переставая говорить:

— Ты раскисай, милая!.. Отдавай ты денег своей скарлатинной тетке. Ну, что ей придет в голову! А забыть тебе — изобретай, так ты лучше сам первый сделаешь ей из зло. А ты мне попросту купила чего... И вышла бы тебе, за три копейки, например. Давно я не пил. На, тебе палец не пил, брат! — с дрожью в голосе закончила он. Мальчик вдруг пошла прочь от него через дорогу на другую сторону улицы. Когда он, комокшая на изогнутых рыцаром ногах и вытисняя вперед свой острый рот, вошел в полосу света от фонаря, — на мостовую летела черная тень, и слышался топ, топ и истукан точно, алаякая валила растерянно и вликала ее в себя. У пандуса он стал и оглянулся на лавку, смотревшего ему в след, вытиснувшего...

— Не даешь?—раздалось на улице безнадёжно-укоряюще и робко. Раздалось и замерло среди тяжёлых аданий, холодно-смотревших друг на друга сёстры с пятнами окон, похожими по своему тусклому блеску на глаза слепцов.

— Изобьет уж больно, коли мало-то принесешь... — задумчиво произнес

— Да ты немножко! — чуть не шепотом говорила лавей. — Дай пятак, и будет с меня! За три выпью, а из хлеба с'em... а? Горбуна поднес руки к своему лицу и стал пристально смотреть на них. И тоже что-то шептала. Послышался звон медных

— Пять... три... восемь... семнадцать... Давай пополам! Чорт с ней! Пусть ее допнет со зла. Вздует, так вздует... Айда! На-ка! Одинадцать все? — с удовольствием сказал он

— Ах ты! Вот мне... и праздник! Спасибо, брат! Вот так-ты! Н-яу!— Как я теперь хвачу за пятю? Ах ты дышленок!—радостно и смущенно за-

И вдруг он странно изотнулся и сорвался с места так быстро, как будто его больно ударили по животику. Горбун отшатнулся в сторону от него. Но он уже исчез, припрыгивая на ходу. Мальчик посмотрел ему вслед и молча пошел по улице в сторону, противоположную той, где исчез. *Какой-то*

Скоро и сам он исчез во тьме улиц.

А на улице было пустынно и темно, и все так же равнодушно и холодно большие белые дома смотрели друг на друга своими слепыми

И все кругом было тихо и печально

У панели мальчик встал и оглянулся на лакея, смотревшего ему вслед, вытянув шею...

авно и быстро поддается всеческой политике. Генералу Франко помогают Италия, Германия и Португалия. Можно ли устоять против такого блага? — так рассуждают эти «классные враги», как их называют в Мадриде.

Но «шестая колонна» стала редеть, когда республиканские части увидели над собой могучие крылья новой героической авиации. Корреспондент лондонской «Глоуб Крик» рассказывает, что милиционеры радостно прискакали из окопов и начали восторженно подбрасывать шапочки, когда над ними пронеслась заскрябавшая крыльями республиканская бомбардировщица. Такое же впечатление произвели танки, которые ворвались в колонны мавров и начали нагромождать искру себя горы вражеских трупов. В этот день части неудержимо рванули к бой.

И в этот день атака матежников на Мадрид с юга окончательно провалилась. Приказ о занятии Мадрида (который по счету?) не был выполнен. Атаку пришлось перенести на запад — в бывшей королевский парк Каса де Кампо. Это уже само по себе было для фашистов поражением.

Коммунисты ведут наиболее беспощадную борьбу против «шестой колонны».

— Коммунист должен быть первым во всем и прежде всего в героизме, — пишет «Мундо обреро».

— Билет члена объединенной социалистической молодежи — это свидетельство мужества, — пишет «Хуентуд».

Под огнем неприятеля коммунистически активнейшими и активнейшими обходят столицу, поднимают дух населения, вербуют добровольцев для оборонных городов от фашистов. На фронте коммунисты первыми бросаются в атаку.

Немецкий коммунист Анстер, командир первой интернациональной бригады, оборонявший Университетский городок, говорил на митинге в кино «Монументаль»:

— Пусть тот, кто бежал, вая тот, кто собирается бежать, и не помнит палат о возвращении: их не пустят сюда так же, как не пустят фашистов.

— Пусть каждый дом Мадрида будет крепостью, каждая улица — полем битвы! — воскликнула на том же митинге член Комитета обороны Мадрида, один из секретарей ЦК испанской компартии Антонио Микс.

— Идти вперед без усталости! — таковы лозунги, вывешенные секретарем центрального комитета коммунистической партии, одним из выдающихся людей испанского пролетариата Хосе Дас.

И каждый день над полосою «Мундо обреро» — в те дни, когда так много над прокраивалась колонна бойцов, отправлявшихся защищать Мадрид, тысячи людей в праздничных нарядах, с пестрыми цветами вышли прощаться героев.

Действительно испанская буржуазия безуспешно пыталась применить буржуазную Конституцию с помещичьей Кастилией. Ничего из этого не вышло. Но рабочая Каталония и крестьянская Кастилья договорились легко и быстро, потому что у них общий враг — фашизм. Многие сотни каталонских героев сложили свои головы в борьбе за республиканский Мадрид.

Фронт каждый день разбуживает героев.

Первые отряды рабочей милиции были полны отваги, но им не хватало техники и организации. Возвращенный германско-италийским оружием, противник косил их. Танки, авиация, тяжелая артиллерия казались непобедимыми. Но потом и у республиканцев появились танки, авиация, артиллерия, а главное, появилась политическая комиссия, являющаяся политическим мужеством. И когда снова появлялись вражеские танки, дружинники смотрели на комиссара.

Иде о бой, дружинники поют «романсеро» поэта Феликса Рамоса:

«Мать, я иду на войну.
Кто знает, вернусь ли домой?
Мать, погляди на меня:
Птицы полетят.
Идут молодые, идут старики,
Идут все страны.
Ты слышишь, мать, они поют
«Интернационала».

«Здоровые мужчины на фронт!» (Плакат испанской народной милиции).

В Барселоне был серый день, свинцовые облака нависали над буржуазной Каталонией с помещичьей Кастилией. Ничего из этого не вышло. Но рабочая Каталония и крестьянская Кастилья договорились легко и быстро, потому что у них общий враг — фашизм. Многие сотни каталонских героев сложили свои головы в борьбе за республиканский Мадрид.

Фронт каждый день разбуживает героев. Первые отряды рабочей милиции были полны отваги, но им не хватало техники и организации. Возвращенный германско-италийским оружием, противник косил их. Танки, авиация, тяжелая артиллерия казались непобедимыми. Но потом и у республиканцев появились танки, авиация, артиллерия, а главное, появилась политическая комиссия, являющаяся политическим мужеством. И когда снова появлялись вражеские танки, дружинники смотрели на комиссара.

«No rasante!» — говорил он. — Отважные, вперед!

И люди падали в танкам и засыпали их гранатами. И побеждали.

Теперь много отступили. Рассказов о них без конца повторяют по всей Испании.

О летчике, который поскребнул собой и протаранил вражеский самолет. О морике Антонио Гоме, который, посмотрев «Мы из Крестоватки», пошел на фронт и стал уничтожать вражеские танки. Его обучил ему ремеслу советский фильм. Он подползал на животе к танку и бросал гранату в упор. Так он уничтожил пять танков — подарок Франко от фашистского Гитлера.

О республиканских пилотах, которые уничтожили в один день 20 «Охотников» и «Капрони». Это был их ответ фашистским авиаторам, сбросившим на усадьбу Мадрида труп убитого в аэродроме в руках республиканского летчика.

Об интернациональной колонии, которая с поником «Интернационала» бросалась на фашистские танки в Университетском городке и о которой с безумной яростью пишут газеты матежников.

О всех героях, которых нет счета. Им легко и радостно бороться потому, что их цель — свобода, их знания — демократия, их мысли — о будущем. Потому в вальной кровью республиканской Испании никто не говорит о смерти.

Фашисты истребляют беременных женщин и детей, «чтобы не падали красные». А в авиаторах дружинников висят плакаты с красными женщинами и детьми и веселыми ребятишками, и под ними подписи:

«Берегите их: это — наше будущее!» Фашисты трем историческим митингам, уничтожают сокровища культуры. А дружинники под огнем спасают драгоценные полотна Веласкеза, Гойи, Муниса.

Фашисты сжигают поля, разрушают заводы. А на дорогах республиканской Испании висят плакаты: «Берегите урожаи: это наша линия обороны!»

«Все силы и средства — на развитие промышленности!»

Кровью отстаивает испанский народ свою свободу. В те самые дни, когда советский народ принимал свою новую сталинскую Конституцию — самую демократическую во всех конституциях мира, — испанскому народу приходилось в кровавых боях отстаивать право на права, которые ему обеспечены буржуазной конституцией. В этом — историческое значение борьбы испанского народа, которая является делом всего передового человечества. Победа испанского народа будет поражением международного фашизма, который всеми средствами поддерживает бытие Франко.

Рабочий класс повсюду является самым большим последовательным, наиболее беззаветным борцом за демократию. Только рабочий класс может создать такую всеобщую демократию, какая записана в сталинской Конституции.

Отвага испанского пролетариата — та же отвага, которая привела к победе рабочий класс России. Пусть бегут матежники! Испанский народ тверд в своей решимости победить. Перед ним — пример великого советского народа. И это придает ему бодрость.

Не даром миллионы испанцев в годичные дни борьбы торжественно праздновали XIX годовщину Великой пролетарской революции. Не даром восторженно приветствует Испания сталинскую Конституцию — являющуюся гордостью пролетариата и победой «моя и главный шаг успешности», по выражению популярного испанского аналитика Арнея.

И не даром самый популярный сейчас в Испании лозунг: «Виза, Россия!»

Н. А. Островский за работой (снимок сделан в Сочи летом 1936 г.). Фото Н. Колл.

САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ В МИРЕ

ВАЛЕРИЯ ГЕРАСИМОВА

Николай Островского уже нет. Мучительная, тяжелая болезнь надвигала прощала этот конец. И все же больше всего хочется говорить о жизни — богатой, огненной жизни, которая пылала в этой груди. Вспоминается первая встреча.

Островский лежал в тени большого дерева. Обычная, строгая гимнастерка была на нем — и больше всего он был похож не на хронического больного, а на тяжело раненого бойца. Но вот незнакомая, удивительно юная, почти мальчишеская улыбка освещает это бледное, истощенное лицо.

— Моя жизнь, правда и не бесплодна. Ведь лучше год, да настоящей жизни, чем десятилетие прозябание, — говорит он.

Этот молодой человек, лишенный возможности видеть небо, цветы, лица любимых и друзей, лишенный возможности спуститься и походить к морю, которое так близко шумело и

которое он так нежно любил, признавал ту жизнь, которой жил, настоящей жизнью.

Нередко пишут о жизнерадостности Островского. Бесспорно, это верно. Глубокая, инстинктивная любовь к жизни была прочна в этом человеке. Но то, что до последнего вздоха поддерживало неистощимую энергию в Островском, было неизмеримо выше, сложнее и прочнее обычного человеческого оптимизма, обычного человеческого жизнелюбия. Скажем об этом словами героя «Как закалялась сталь» Павлуши Корчагина:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за полененное и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Именно так расшифровывается та огромная сила, которая поддерживала пламя жизни и энергию в измученном теле Николая Островского.

За несколько часов до смерти этот человек сказал:

— Мадрид не сдастся. И я не сдамся!

Мировая литература в течение веков с пристальным вниманием разрабатывала тему жизни и смерти.

Вспомним Толстого. Чаши судебной палаты Иван Ильич, добившись всего того, о чем мечтал в лучшей пору юности: положения, чина, выгодной женитбы, новых гаданий, которые он сам с такой заботли-

Т Р И Б У Н

Киров! Сегодня, в часы печали,
Сердце и память полны тобой...
Призраки—это они стреляли
Мертвой рукою в затылок твой!

Это они...
Но, пройдя сквозь муку,
Снова ты прежним огнем горшишь.
Ты на трибуне. Ты поднял руку.
С нами и с будущим говоришь:

«С каждой минутой ты другая,
Родина солесная моя.
Если б ушел, то тебе шаяла,
Песня повсюду слалась бы я.

Ничье—ты летчиков обнимаешь,
Силой смысловой гордишься, мать.
Завтра—в других ты себя узнаешь.
Кто они?

Их бы я мне обнять!

Этот—по грунту в скафандре ходит,
Тот—на пустыню ведет леса.

Всюду в неметной твоей природе
Слышны товарищеского голоса.

Братья! Товарищи! Я же с вами
Камни домаю, железо гну.
Мне ли расстаться со сталелазом?
Где-нибудь в будущем отложу...

Виссарионович! Друг мой! Брат мой!
Мало ли им грозили дел?
Всю эту бурю тысячекратно
Я повторять бы, предить хотел!

Дело со мною не расставалось,
Жизнь я, как песню, хотел сложить.
Родина, сколько мне оставалось
Догоримодить, долбить, дожить!

И долюблю, доживу—я знаю!
Жизнь моя—с смерти врагов твоих!
Изменен крови моей, родная,
Ничто не испеняет ты из!

востую прибывал в своей новой квартире.—
тяжело заболел, постепенно и совершенно не-
ожиданно для себя открывает страшную, об-
лигающую его своей правдивостью мысль: все
жизнь его была ложью; он никогда не был
почвостоящему счастью, он даже никогда не
был настоящим!

«Ему пришло в голову, что то, что ему пред-
ставлялось прежде совершенной невозмож-
ностью, то, что он прожил свою жизнь не так,
как должно было,—что это могло быть пра-
вда. Ему пришло в голову, что те его чуть за-
мечные поползновения борьбы против того, что
наименее поставленным людям считалось хо-
рошим, поползновения чуть заметные, которые
он тотчас же отгораживал от себя,—что они-то и
могли быть настоящей, а остальное все могло
быть не то. И его служба, и его устройство
жизни, и его семья, и эти интересы общества
и службы,—все это могло быть не то. Он
понимался защитить перед собой все это. И
вдруг почувствовала всю слабость того, что он
защищал. И защищать нечего было».

И тут началось страшное: «Тот, три дня из
переставший крик, который так был ужасен,
что нельзя было за двумя дверями без ужаса
слышать его». Началась та страшная агония
крошечного эгоистического существования, о
которой с такой безжалостной правдой рас-
сказал гениальный Лев Толстой.

Новые гардины, квартира, служебные по-
вышения не спасли мелкого индивидуалиста от
улыбки полного и темного небытия: с концом
его маленькой, слепой жизни для него кон-
чался весь мир, вся вселенная. То «самое
прекрасное», что позволяло смертельно изму-
ченному больничью полупарализованной рукой
написать замечательную книгу, что позволяло
ему со спойственным герою говорить: «Надо
торопиться работать, потому что—самое боль-

шое—я прокуштую еще два года»,—это
думком отсутствовало в жизни царского чи-
новника Ивана Ильича.

Огромная очередь тянулась к дверям Дома
советских писателей, где покоился прах Остро-
вского. В глубоком, азованном молчании
проходили люди мимо упавшего в цугах
дуба Николая Островского, лучшего предста-
вителя сталинского поколения молодежи. Шли
парашютисты, летчики, молодые командиры,
станковцы, учащиеся. Все те, кому капля за
каплей отдала свою жизнь, свой талант, свое
горение Николай Островский. Те, в ком обре-
тал он новую, бессмертную жизнь. Строи-
тель слова жил и в мужественной парашю-
тисте, и в смелом летчике-высотнике, и в мо-
лодом инженере, и в маленьком пионере.

Павлуша Корчагин и Коля Островский, по-
чтено, едины. Дежурившая у постели умираю-
щего его сестра рассказывает, что, переживая
нечеловеческие мучения, Николай застоял
только один раз,—потеряв сознание.

А в романе «Как закалялась сталь» устами
врача Нины Владимировны рассказывается, как
вел себя тяжело раненый болельщик Павлуша
Корчагин:

«Обычно в подобных случаях много стонет
и воплет. Этот же момент, когда смыкалось
водом разорченную рану, натягивалась, как
струна,

Часто теряет сознание, но вообще за весь
период ни одного стона».

Уже все знают: если Корчагин стоет, зна-
чит, потерял сознание. Откуда у него это
упорство? Не знает!

Немного позднее, когда Корчагин, пережив
все мучения, мог уже самостоятельно переда-

ваться, Нина Владимировна спросила его об
этом.

— Читайте роман «Огонь», тогда узнаете,—
коротко ответил Корчагин.

«Огонь»—роман о красавце-юноше, револю-
ционере, герое, который во имя «самого пре-
красного в мире»—во имя бага человечес-
тва—беззаветно пошел на смерть.

И не бесспорно ли, что в грядущих крова-
вых боях один из новых, молодых Павлуш
Корчагиных, полный героизма и самоотвержен-
ности, так объяснит, что помогло ему выковать
свою личность:

— Читайте «Как закалялась сталь» Нико-
лая Островского.

Коля Островский будет жить в нашем ула-
ре, метко направленном по врагу, а каждый
удержанном про себя стоит, в кропотливом
упорстве мирного строительства, в ошущенной
от груза мелочных расчетов, забот и тщесла-
вия жизнерадостности, на которую способны
только молодые люди страны, где восторже-
ствовалось «самое прекрасное».

Вот что прозревали его невинные, незря-
чие глаза, и вот что питало его неслышимое,
стальное упорство.

В предсмертном письме к матери, с негодо-
ванием обмывавшем на предательство промыв-
ленного у его кровати слезы Андрея Янда,
Островский иронически вспоминает, как этот
возрастивший в парнишках будничной культу-
ры писатель с волевым замечет, что в Европе
Островского считали бы «святым». Крут по-
ятий старого мира узок и ограничен.

Нелестно пониманию старого мира тот
глубоко продуманный, инстинктивно-политический,
полностью оптимистический героизм, одним из
лучших носителей которого был Николай
Островский и имя которому—большевизм.

НЕИЗГЛАДИМАЯ ПЕЧАТЬ

Статья С. БОНДИ

Пушкин по своей натуре был человек крайне живой, веселый и на-смешливый. Он никогда не поддерживал, что он «великий поэт», не запуская на себя вышесказанное. Бое, знавшие его лично, в оди-ном голосе говорят о его аскезисте, подлинности, о его необыкновенно за-разительном смысле. Даже в последние, самые печальные годы своей жизни Пушкин так умел смеяться, что художник Брюллов, пользовав-шийся с ним в это время, говорил: «Какой Пушкин счастливый! Так смеется, что словно жизни видит».

В сочинениях и письмах Пушкина разбросаны в большом количестве остроумные шутки, калямбур, насмешливые замечания, ии говоря уже о нем же произведений шутливого характера, вроде «Гамлетизма», «Гра-фа Нулина», «Домика в Коломенском» и др. Пушкин писал в одной замет-ке: «Нам приятно видеть поэта по всем состояниям его жизни и творче-ской души: и в печали, и в радости, и в парнях восторга, и в отаголо-вении, чужды, и в конномислом ис-головании, и в маленькой досаде на сучного соседа... Благоговее перед созданием «Фауста», но люблю и выпирываю».

Эпиграммы самого Пушкина до-ступны читателям меньше других его произведений. Это и понятно. Эпи-граммы эти назывались против опре-деленных лиц, написаны по опре-деленному, конкретному поводу. Не зная этих конкретных обстоятельств, часто бывает трудно не только по-ступить с собою данной эпиграммы, но даже просто понять ее смысл. В настоящей статье дано несколько эпиграмм Пушкина с не-обходимыми обяснениями.

Пушкин было написано, вероятно, не менее ста эпиграм. Нам из-вестно из них около сорока: остальные пропали. Среди них, надо думать, не только до нас самые раз-ные и революционные: дело в том, что такие эпиграммы могли распро-страняться только устно, так как за-писывать их боялись.

Пушкинские эпиграммы крайне разнообразны по содержанию и сти-лю.

Наибольшую общественную роль играли в свое время, конечно, политические эпиграммы Пушкина, его эпиграммы на Александра I, на Аракчеева, на Стурдзу, на Голицы-на и т. д. Всей силой своей одойтой немощью он делался счастливо «черной», неведкой, лицемером и жа-лей.

Ранние эпиграммы Пушкина, за редкими исключениями, совсем не-злые, а просто веселые и насмешли-вые. Недавно эпиграмму написал Пушкин еще в лицее. Постоянной ии мнением был его друг Вильгельм Кюхельбекер. Пушкин часто изде-вался над его стихами. В большом стихотворении «Пирующие студенты» Пушкин описывает воображаемую пирушку лицейцев, обращается

с приветствиями к ряду товарищей и кончат следующей, убийствен-ной для Кюхельбекера строфой:

«Писатель, за свои грехи,
Был в виду всех трезви,
Вильгельм, протви свои стихи,
Чтоб мне заснутой споре».

Еще находясь в лицее, Пушкин принимал самое деятельное участие в борьбе, которая шла в это время в литературе. Молодые и передо-вые писатели этого времени (Жуковский, Батюшков, Басков, Пушкин — дядя Александра Сергеевича, Вяземский и др.) воссоединили эпиграм-мами и пародиями представителей старого направления, реакционных писателей, приверженцев церковно-славянского языка и старинных клас-сических форм. Среди них самыми крупными были Шишков, теоретик

этого направления, поэт альяз Ши-ринский-Шингатов, считавшийся в ии среде лучшим из молодых поэтов, и драматург князь Шаховской, высме-ивавший в своих комедиях вождей но-вого направления.

Пушкин остроумно соединил в од-ной из своих эпиграм эти три ии-ни:

«Угрюмый тройка есть певцов:
Шингатов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов:
Шишков зап, Шаховской, Шингатов.
Но кто гауптен из тройки алой?
Шинков, Шингатов, Шаховской».

Приведем, наконец, эпиграмму Пушкина на лицейского доктора Пе-шек. В ней упоминается о случае, произошедшем в 1816 году лицей-ством: ии дядька, сторож Сазонов, оказался грабитель, убившим в Цар-ском селе несколько человек. В этой эпиграмме уже применен один из любимых приемов Пушкина: соль эпиграмме, ее острота, полагается не-ожиданно, только в самом конце, в последней строке:

«Заура с свечкой грешною
Являлся пред образом святым.
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти полд носом:
Сазонов был, мои супостот,
А Пешель — ласкатель моим!»

Выйдя из лицея, Пушкин вскоре пово- в тушу литературной борьбы, и, так как именно он стал вождем нового литературного движения, то почти вся борьба и сосредоточилась вокруг его произведений. Пушки-ну пришлось так или иначе реагировать на самые различные нападения на него: и со стороны критики, и со стороны цензуры, и со стороны правительства.

Пушкин выпирывает у Брюллова рисунок.
Карикатура Н. Репина.

Остался между до столетней годовщины со дня смерти А. С. Пушкина. Вся страна усиленно готовится к пуш-кинским дням.

Пушкинский номер «СМЕНИ» вызвал горячие отклики читателей. Письма, полученные редакцией, свиде-тствуют о стремлении передовой молодежи глубоко изучить творчество великого поэта, конкретно узнать себе ху-дожественные достижения его произведений.

Стремясь удовлетворить многочисленные вопросы читателей, мы помещаем в этом номере «Пушкинские стра-ницы»: статьи, посвященные разбор тех произведений А. С. Пушкина, которые мало освещены в критической литературе.

В этой борьбе одним из любимых орудий Пушкина была эпиграмма. Он пишет в стихотворении «Совет»:

«Поверь: когда славней и жаровей
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не травь утешных слов,
Не возмражай на писк и шум назальный:
Ни лютостей, ни востух, малый друг,
Никогда не смейте из рой упрямый.
Сядитесь грех — но замалкните и вдруг
Прихлопните из проворной эпиграммы».

И Пушкин «прихлопывал» своими эпиграммами не только докучных журнальных критиков, но и бедарных поэтов и даже иных из своих друзей, даже тех, в которых вообще питал уважение. Так, он не щадил своего старшего друга и учителя — Жуковского, многими стилями которого он восхищался и который сам относился к Пушкину с чисто стесненной нежностью. Пушкин не мог примириться с sentimentalno-романтическими востанками поэзии Жуковского и не раз из пародий и в своем произведении Жуковский напечатал стихотворение «Глупость» — переведенный с немецкого диалог между душевной и вняком на тему о тленности и вечности. Это длинное стихотворение было написано в sentimentalном стиле, довольно вальсовыми стилями. Вот его начало:

«— Послушай, душа моя, не жалей раз,
Когда вглянну на этот замок Ретлар,
Приходит в мыслы: что если ты не случится
И с нашей хижинкой? Как странно там!
Ты смейся, смерть сидит на этих замках...» и т. д.

Пушкин сымпровизировал следующую эпиграмму:

«Послушай, душа моя, не жалей раз,
Когда вглянну на этот замок Ретлар,
Приходит в мыслы: что если ты проза,
Да и дурака!».

Пушкину приписывают две эпиграммы на Карамзина, знаменитого реформатора русского литературного языка в конце XVIII века. В молодости Карамзин писал меланхолические стихи, написал исключительно стихотворную сказку «Алва Муромец», несколько sentimentalных повестей в прозе. К тому времени, к которому относятся приведенные выше эпиграммы, Карамзин уже перестал писать стихи и художественную прозу и стал заниматься историей. В первой эпиграмме Карамзин изображен Пушкиным в виде старушки-сказочницы:

«Послушай, я сказку вам начну
Про Игоря да про его жену,
Про Нотгора, дав время золотое,
И, наконец, про Романа царя...
И бабушка, затекала пусти!
Докожи нам «Алмо-ботары»».

Другая эпиграмма резче и злее. В ней Пушкин уже высмеивает контраст между необыкновенно изящной формой, высокой художественностью языка «Истории государства российского» и реакционным, монархическим, верноподданническим ее содержанием:

«Его истории изящество, простота
Доказывают нам без всякого пристрастия
Необходимость самодержавия
И просветы жуты».

Язычительное друшение сочиня Пушкин по адресу поэта Гнечина. Надо сказать, что Пушкин относился к Гнечину всегда с уважением и восхищался его литературным подвигом: Гнечин, после нескольких лет упорного труда, перевел на русский язык целую эпо «История Гомера размером полдюжины. Этот замечательный, художественно сделанный перевод имеет ослепительный недостаток: простые, народные стихи Гомера Гнечин мерзко переводит торжественными, церковно-славянскими оборотами. Пушкин, очевидно, подметил это. И вот, вроме хвального друшения «На перевод Иллады»:

«Самшу умалювший звук боевойннотной элладской¹ речи;
Старца великого тень² чую сущенной душой»

он пишет другое, прямо противоположного содержания (а нем Пушкин намекает на физический недостаток Гнечина — его слепоту на один глаз):

«Крих был Гнечин поэт, прелестнейший
Слепого Гомера,
Божом одним с образом слож и его п-
репод».

Замечательно, что эти стихи Пушкин не только не напечатал, но даже в рукописи свое пылательно зачеркнул, так что пушкинисты-технократы с трудом разобрались текст.

Далеко не все эпиграммы были таковыми добродушными. Пушкин умел делать их острейшими, когда ему нужно было поразить эпиграммой настоящего врага. Сохранилось, к сожалению, в полном виде (с пропуском нескольких стихов в середине), стихотворение, входившее первоначально

в роман «Евгений Онегин», но затем оттуда исключенное. Позже Пушкин думал сделать эти стихи чем-то вроде предисловия к собранию своих эпиграм, которое он затеял. В этих стихах эпиграмме придется уже серьезно отвечать: эпиграмма — это неугасимая печь, которую поэт накаливает на бесстыдные лица и модные лбы поводов.

«О муза памянной сатиры!
Прди на мой призывный зов!
Не нужно мне гремевшей славы,
Вручи мне Ювеналов³ бич!
Не подражателем холмодем,
Не переводчиком толклом,
И не потам мыслям дам
Готовую язву эпиграм!
Мир вам, смиренные поэты!
Мир вам, несчастные глуми!
А вы, ребята — поэмы!

Вперед всю вашу словцох буду
Я чутко казнить казнить!
А если же кого заблуд,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько зло бесстыдно-блудных,
О, сколько злоб широкон-мудных
Готоми от меня призыв
Неизгладимую печать!»

Своих врагов, тех, кого он считал подлежащими, Пушкин жалел эпиграммами необыкновенно болду. В 1820 году он был оскорблен графом Федором Ивановичем Толстым-Американцем, расставившим про Пушкина поощрение его честь смелости. Этот Толстой-Американец был крайне любопытной фигурой. В молодости он был величайшим безобразником, пьяницей, картежником, дебоширом; он убои на дуэли одиннадцать человек; играл в карты заведомо честно; участвуя в дружеском путешествии Крузенштерна, он своим поведением вынудил начальника экспедиции высадить его глго-то на Алеутских островах. Оттуда он пробрался на Камчатку, даже, кажется, в Аласку, в Америку (за что и получил позже прозвище Американца), а затем должен был пешком возвращаться через всю Сибирь. В то же время он, по свидетельству современников, был умным человеком, интересным собеседником.

К тому времени, о котором идет речь, Толстой «кутоножился»: он был женат и имел семью, ссорился со всеи своих «страстей» одну: страсть к картежной игре. Пушкин, сосланный на юг и не имевший поэтому возможности вызвать на дуэль своего оскорбителя, написал и распространил такую эпиграмму:

«В жизни мрачной и презренной
Был он долго погнутен,
Долго все концы вселенной
Осыпали разрывом он.
Но, исправясь покаянием,
Он загладил свой позор,
И теперь он — сама богу,—
Только что картежной вою».

Но больше всего эпиграммы написал Пушкиным не на его личных врагов, а на врагов политических, общественных: на правительство, его агентов, на царя и, главным образом, на журналистов и критиков.

Эпиграммы на властей, как было уже сказано выше, дошло до нашего времени немногочисленно.

На Николая I Пушкин не написал ни одной эпиграммы, но Александр I он, по его собственному выражению, «подсказывал» до самой его смерти» и даже позже. В привольной нише эпиграммы Пушкин вынуживает страсть Александра к солдатым изысканьям, к «фрунтонному учению», вспоминает битву при Аустерлице в 1806 году, где огромная русско-аустрийская армия под предводительством Александра была разбита Наполеоном; о 1812 году, когда Наполеон со своим войском вторгся в Россию и даже захватил Москву; наконец, о переименовании, в котором оставала в полном виде только царствование императрицы Елены Павловны, а остальное было переименовано в честь императрицы Александры Федоровны.

«Посыпавши по барабаном
Нам дарь ликим был капитаном:
Пол Австралийем он бежал,
В денюшном году — кровал,
Зато был фрунтонный профессор;
Но фрунт герою надоел:
Теперь он отставной ассессор
По части иностранных дел».

Как это ни странно, Пушкин написал много эпиграммы на цензоров, угодивших его произведению в печать. Приведем одну, в которой упоминаются цензором Тимковский, Вирюков и Косовский. Тимковский, цензурировавший ранее поэзию Пушкина (в том числе «Руслана и Людмилу»), был необыкновенно придирчив.

¹ Греческой.
² То есть Гомера

А. С. Пушкин. Скульптура Мотречева.

³ Ювенал — знаменитый древнеримский сатирик.

Бирюков, а после него Красовский спорились в самые тяжелые времена реакции, в последние годы царствования Александра I. Это они запрещали в «Наказном пленнике» как «истерическое выражение «сладкой пошлости разврата», «не много радостных ночей судьба наградила ей послана» и т. д. Это о нем Пушкин с отчаянием писал в одном письме, что он бросил потому было им стихотворение на смерть Байрона, потому что «скупно писать про себя или справляясь с таблицей уменьшения глупости Байрона, разделенного на Красовского». О том же говорит и приведенная эпиграмма:

Тимковский дарствовал — и все творил в слух,
Что вряд ли где-то слышишь подобный слух.
Явился Бирюков, да к нему вслед Красовский:
Ну, право, их умней пошлей был Тимковский.

Больно много, повторю, Пушкин писал против своих критиков-журналистов. При этом две-три эпиграммы оказывались иной раз связанными между собой, так как первая вызвала продолжение критики, в ответ на что появлялись вторая и т. д. Однажды Пушкин напечатал такую шуточную угрозу:

Друзьям

Враги мои, позамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гусак угас;
Но на виду не выпускаю вас;
И выбору когда-нибудь злобю:
Не избежит провозвещанья котей,
Как замечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится астрей ладный
И сторожит выходы и тусей.

Стихотворение это было напечатано Пушкиным без подписи. Издавая журнал «Благонамеренный» В. Измайлов помещал в своем журнале анонимную статью, где высмеивает эту эпиграмму и довольно злобным образом пытается раскрыть аноним, намекая на имя ее автора, «Бориса или некто», — пишет он, — нуталю меня то, что у господина сочинитель есть юмор». Это был явный намек на Пушкина, славившегося необыкновенно длинными поэтиками, которые он тщательно отбирал для нее, но в виду почти что латинской поговорки «Ex ipso leone», т. е. «Из котам узнают льва». Продолжение этой поговорки таково: «ex asinis asinus» («а по ушам — осли»). Вот текст эпиграммы:

«Недавно я стихам как-то свистнул
И выдал из без подписи мой;
Журналисты шут о них ставили тисну,
Без подписи ж шутки бы, злодей.
Ну что ж? Ни мне, ни плахидному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ;
Он по котам узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз».

Главными журнальными врагами Пушкина были Каченовский, Надеждин и Бутурлин.

Редактор «Вестника Европы», профессор М. Т. Каченовский, по происхождению грек, был серьезным ученым, историком, но как литературный критик обнаруживал крайне злобную реакцию и полное отсутствие художественного вкуса. Поверженец старого, классического воспитания, он преследовал в своем журнале Пушкина, начиная с его «Русляна и Англичанина». Пушкин писал о Каченовского дьялом трагедии, поедательных эпиграммах, ссылаясь на нем сатирические статьи и в прозе. Приведем несколько эпиграмм на Каченовского:

I

«Харонис!» ругатель законисый,
Во тме, в пами, в презрении поседисый,
Уймись, дружок! к чему журнальный шум
И пассивный томительная тусость?
Ятекий яол, с улабной смает Глупость,
Нискобь ларт, зевал, скажет Ум.

II

Кавестник без доравля,
Палак идет от чутлем,
А дневного пропнатья
Ежесечисным вранисем.

III

Охотник до журнальной драки,
Сей усмыслительный Зюла
Равсидит оглум черниа
Смлюмо бешеной собакы.

Говорю было серьезным чем Каченовский противником Пушкина был Надеждин. Молодой ученый с большим философским кругозором, он мог бы сыграть большую роль в читательской оценке творчества Пушкина и для самого Пушкина как рупор нового,

разночинного читателя. Однако этой возможной роли Надеждин не исполнил из-за обстоятельств: во-первых, чудовищное отсутствие у него литературного вкуса (он называл «Потугу народный, продала Пушкину смех», «Бориса Голунова», возмущался «спиритизмом», «Графа Нулина» и т. п.) и, во-вторых, Пушкин не без основания подозревал его в неискренности, в подлаживании ко вкусам Каченовского — редактора «Вестника Европы», в котором сотрудничал Надеждин.

Надеждин выступил в критике как защитник старого, традиционного классицизма. С этих позиций он резко атаковал Пушкина.

В одной своей статье Надеждин высмеивает ринные стихи Пушкина. «Начать писать стихом разное, — пишет он, — еще не признав гениальности, а затем доложить неумелым читателем «характерное басно В. А. Пушкина» (басня Александра Сергеевича), в которой Феб вершит суд над одним 15-летним поэтом. Приведем эту басню:

«Какой-то стихотворец (довольно их у нас)
Понес две оды на Парнас.
Она в них описаны хулы природы, неба,
Плет роз-лилей облаков,
Шум листьев, вой звоней, поносные все сои,
И властью просил у Феба.
Читал, Феб зевнул и, наконец, спросил:
— Каким лет стихотворец был?
— И оды грешные давно ли сочинил?
Ему пятнадцать лет, Эрата отвечает:
— Пятнадцать только лет, не более того?
Так розгами его!»

Пушкин принял вызов и ответил Надеждину другой «басней», где вывел его под видом «семиниста» (Надеждин был из «хуконого звания»), упрекая в его логике о его латинской диссертации:

«Мальчишка Фебу гимн поднес.
«Охота есть, да мало могу.
А скажешь лет ему, вопрос?» —
«Пятнадцать». — «Только то?» — «Эй розгу!» —
За сим принес семинист
Тетель давейские диссертации,
И Фебу слух прочел Гораций,
Какая тубы, первый лист.
Отжеким, как от дуомана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас властью провознал
Поставить в палки приваля».

Наиболее трудная для Пушкина была борьба с Булгаариным. Этот журналист и романтик был правительственным шпионом. Он довысил в III отделение описатель, и ему довелось и Николай I и его повелевать рыва — Бенкендорф. Конечно, эта деятельность Булгаарина делала его врагом не только царя и Пушкина, подозревая правду, у Пушкина были все основания считать Булгаарина осведомителем III отделения.

Он отошел к Булгаарину с величайшим презрением. Булгаарин в свою очередь ненавидел Пушкина. Говорить в печати о шпионстве Булгаарина было, конечно, невозможно, но Пушкин хитрым именем удалось обмануть цензуру. Он напечатал в «Литературной газете» разбор вышедшей в Пажоке книги «Записки полковника сына Валам», где вместо полного Валама и что инквизитор говорит о Булгаарине.

Пушкин написал также несколько эпиграмм на Булгаарина. Приведем их не будем за недостатком места.

Пушкин умел одним словом, одной фразой добиться необыкновенно сильного смыслового эффекта. Приведем эпиграмму, которую однажды испрохивировал Пушкин и в которой он, не употребляя ни одного неприличного выражения, смеялся Булгаарину с правдой и даже хуже того. Вот что высмеивает писатель граф В. Сологуб. Находясь как-то вместе с Пушкиным в инженерной алке Симониды (бывшей в то время чем-то вроде писательского клуба), он начал сочинять стихи:

«К Симониду как ни зайдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего там не купишь.
Линь Сенковского? толще!»...

Дальше у него не выходило.

«Эти четные строки, — пишет Сологуб, — я сказал выходящему Александру Сергеевичу, который с необыкновенной живостью закончил:

«Ишь в Булгаарина наступил!»

Далеко не все эпиграммы Пушкина были им напечатаны: одни не пропустила цензура, другие он сам не хотел давать в печать, довольствуясь их распространением в списках или на уст в уста.

В своей неопубликованной статье о поэте Баратынском Пушкин писал: «Эпиграммы, скоро стареют и, живя действитель в первую минуту, как и всякое острое слово, тождет всею свою силу при повторении. Неплохо, в эпиграмме Баратынского сатирическая мысль полагает обоим то славянский, то сатирический, то драматический и развивается сном болше и сильнее. Умозаключившись об нем острое слово, или с последним переломом перемены, с как произведение искусства».

То же самое можно сказать и об эпиграммах самого Пушкина.

1 На греческий лад переделано русское слово «харонис», т. е. свинья

2 Сенковский — известный ученый, писатель и журналист того времени.

Сказки Пушкина

Сказка о царе Салтане. Рис. И. Билибина.

Пушкин передал Киреевскому тетрадь с пятьюдесятью русскими песнями, сказав: «Копла-а-а-а-а от чего делать разбитого, которые поет народ и которые смастерил я сам». Собираясь народного творчества, тонкий знаток в этой области, Киреевский так и не смог разгадать этой загадки.

Задача была почти неразрешимой. Песни Пушкина неотчетливо от песен народных, потому что песни эти — не подделка, не имитация, не повздорившее подражание. Поэт проник в истоки народного творчества, постиг его законы, его строй и дух. Пушкин научился слышать песни и сказки так, как слышат их народ, потому что знал и любил этот народ и питал безграничное уважение к его истории и преданиям.

Знание народной жизни не сразу далось поэту. Юноша Пушкин воспитывался на французской литературе и знала французский язык слава им не лучше родного. Но «француз» Пушкин с детства проявлял необычайный интерес к песням двора, к рассказам бабшкин и вили.

С годами интерес этот еще более окреп.

Путешествуя с Ржевским по Крыму и Кавказу, поэт присматривается к быту казачьих станиц, слушает казачьи песни. В Бессарабии странствует он вместе с цыганским табором. Позднее, в Михайловском, во время ярмарки, он целые дни проводит на площади бала Светогороцкого монастыря, собирает вокруг себя нищих, слепцов, слушает старинные песни, сказки.

В библиотеке поэта, рядом с другими сборниками фольклора, бережно хранились «Вильямс» Кириши Давидова. Прелестные «объяснительные сказки», былины, эпоса Пушкин воспринимал неизменно.

«Предания старинны глубокой» как тема и материал для поэтического творчества равно привлекали внимание Пушкина. Еще в юные наброски он брал поэмы «Игорь и Ольга». В 1815—1816 годах он присутствует на поэтической обработке сказки с Боме. В память об этой попытке остались план и довольно длинный отрывок.

В 1817 году Пушкин начал и через три года закончил поэму-сказку «Руслан и Людмила».

Подлинное русское, народное в «Русляне и Людмиле» еще не много. Значительный сказочный пролог («У дубокомого дуба зеленый» и т. д.) написан Пушкиным позднее, в 1825 году. Но в самом выборе темы и места действия, в именах героев поэмы, в отдельных эпизодах сказались интерес и уважение Пушкина к народному эпосу, к сказке народной. Интерес этот примечательнее уже по одному тому, что бабшкина часть «образованного общества» в то время народную сказку презирала. Далеко не одиозным был рецензент «Новоского зригола», с возмущением возмущавший: «Кто бы подумал ко появления сего произведений, что при нынешнем состоянии просвещения старинная сказка об Ерусаламе Азархериме выйдет себе подражатель?»

Создавая «Русляна и Людмилу», Пушкин являл им черпал непосредственно из кладовых народного творчества. Источниками «Русляна», по всей вероятности, служили произведения старинных современников Пушкина — сказки Богдановича, Бутковского, Вукобского. Но кто бы ни был Богданович или любочный Ерусалам Азархерим, — несомненно одной героини юношеской поэмы Пушкина значительно больше напоминает галерейного рыцаря из волшебного-привлекательного романа чина княжеского богатыря. Тем не менее есть и поэма места, где Руслян как бы вырастает, облик его становится величественным. В отдельных строках

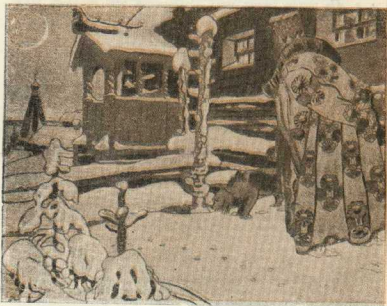
Пушкину удалось поднять своего Русляна до высоты героев древнерусского эпоса.

Таков Руслян в сцене битвы с печенегами:

«В поле меж врагами,
Битая в латы, как в огне,
Чудесный вои на коне
Грозой несется, колет, рубит,
В ревущий рог, летая, трубит...
Где ни прохвостит грозный меч,
Где конь срубит ни прохвостит,
Везде главы слетают с плеч
И с воплем строй на строй валятся...»

Руслян — еще не герой народной, но, рисуя его облик, Пушкин думал о создании такого героя. И, извлекая Русляна чертами высокого благородства, храбростью, верностью, великодушием, поэт считал эти свойства присущими народному герою.

Для создания образа подлинного народного героя у Пушкина времени «Русляна» не хватало еще ни знаний, ни опыта. Но то, что не шла слава было двадцатилетнему юноше, удалось зрелому художнику. 11 лет спустя после окончания «Русляна и Людмилы», в 1831 году, пишет Пушкин свою «Сказку о царе Салтане, о сыне его славном и

Царь Салтан подслушивает трех девиц. Рис. И. Билибина.

мощнее богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». Настоящий герой этой сказки — богатырь Гвидон.

Пушкин работал на подлинном фольклорном материале. Первая запись «Сказки о царе Салтане» сделана им еще на юге, примерно в 1822—1823 году. Но основой для пушкинской сказки, подлинному, послужил тот же вариант, записанный поэме ко слов нини Арины Родионовны.

Следуя записи, Пушкин начинал свою сказку без предисловий, «влюб»:

«...Три девицы под оном
Прелем павлино вечерном.
«Камы я была царница,
«Говорит одна девица, —
«То сама на весь бы мир
«Притомилась я пир»,
«Камы я была царница,
«Говорит одна девица, —
«Третья молвила девица, —
«Я в батюшкин царь,
«Родила богатыря».

Разговор подслушав царем, немевшим примечку гулять под оными подданными.

Царю женится на третьей сестре. Двух других тоже берут ко двору. Война разлучает царя с женой.

«В те поры война была» — повествует Пушкин испещренной былинной речью, —

Царь Салтан, с женой протаясь,
На добра коня садясь,
Ей наказывал себя
Побореть, его любя».

Мы выделяем старорусские, былинные обороты речи, потому что они не случайны в этой сказке. «Сказка о царе Салтане» — «богатырская» сказка, в ней Пушкин сознательно прибегает к речи и приемам народного эпоса, отчасти им усвоенным и претворенным.

Согласно варианту Арины Родионовны, царя родилает 33 богатырей. Прониками мачехи все они обречены злой казни: засмолены в бочки и брошены в море.

Пушкин замещает 33 богатырей одним Гвидоном, роль мачехи выполняют завистливые сестры. Эти изменения упрощают композицию сказки, способствуют ее стройности.

Судьба царя с сыном у Пушкина та же, что и в записи:

«В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут.
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет...»

Строки эти построены синтаксически одинаково. К таким «тралала-диалам», к таким синтаксическим, смысловым и ритмическим повторам поэт часто прибегает в этой сказке. Нередко он повторяет целые строки (например в разговорах Гвидона с Лебедью, гостей — с Салтаном). Это опять-таки прием старорусской песни, былинны.

Но по дню, а по часам растет в бочке ребенок — богатырь Гвидон. На другой день волна, послушная воле Гвидона, выносит бочку на берег.

«...Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся —
Понатужился немощно,
«Как бы здесь по дну отошло
Нам пролесть?» — молвила он,
Выйшб дно и вышела волн».

Созвучья, подобие «выишб — вышела», в высшей мере характерны для народной поэзии, и Пушкин в сказках широкого ими пользуется.

Царевна Лебедь. С картины М. Врубеля.

Сказка о золотом петушке. Рис. И. Билибина.

Несравненный мастер, владеющий могучим даром использования слова во всех оттенках смысла его и звучания, Пушкин вполне верен духу искусства народного. Народные сказители умели отменно «выучивать» свои былины. Сочетание поэтического мастерства Пушкина с опытом народных певцов даст удивительные результаты.

Гвидон с матерью на пустынный берег. Далее эпическая сказка развивается так. Чудом возникает на острове город. В нем живет Гвидон. Слух об этом чуде и двух последующих доходит до царя Салтана. Вопреки всем козням мачехи, он приезжает на остров и узнает жену и сына.

Пушкин вводит в сказку замаскированную царевну Лебедь, внешне чуждое, и именует эти чудеса. Вместо двух боровых ильиной сказки у Пушкина — белка, грызущая золотые орехи. И белку и Лебедь Пушкин заимствовал из других русских сказок. Подобно талантливейшим сказителям народным Пушкин изменял, варьирует детали сказки, сохраняя верность идеалу.

Все указанные до сих пор отклонения Пушкина от истинного варианта сказки — формы сказки, ее детали, ее композиции. Существенное, коренное отличие пушкинской сказки от записи — в самом конце. В сказке Арины Родионовны злая мачеха выказана на смерть. Пушкин продолжает «заключает» сестер.

Критики прежнего времени склонны были видеть в таком окончании сказки отрицание индивидуальности самого поэта, его доброты и гуманности. Нам кажется, что

здесь связались не столько личное свойство Пушкина, сколько вера поэта в великодушие народа.

Великодушие в высшей степени свойственно герою сказки Гвидону. Вспомнив первую встречу его с Лободом, Мать и сын голыми. Салам из дубового сада дук и заступил единственную струю, Гвидон отпрыскается на соху. И тут он видит:

«...Бысть лебедь средь амбей,
Кормиун посится над ней;
Та беднотка так и плещет,
Баку вудит мучит и клещет...
Тут же злоты распусташа,
Клев кровавый наводниша...»

Оказавшийся жалостно, Гвидон убивает единственной своей стрелой не лебедя, голую для еды, а злого лорнуша. Гвидон — защитник слабых.

Великодушные поступки характерны для Гвидона на всем протяжении сказки. Он прощает отца и сравнительно малоство обходится с тетками и бабушкой — виновницами его мятарств. Это отнюдь не значит, что Гвидон полон христианской кротости и всепрощения, нет, но он силен, и сознание своей мощи дает ему возможность быть великодушным.

Убежденность Пушкина в великодушии народа, уважение его к народной мудрости и еще большей степени выживавшие в «Сказке о попе и работнике его Балде».

Содержание «Сказки о попе» тоже почерпнуто из рассказов Арены Родионова, из русского фольклора. Впрочем, сюжет о козине-скрыте и работнике широко распространен в междуречной славянской литературе.

В сказках этого рода работник чаще всего изображается существом необычайно сильным, но безжалостным, тупым, жестоким. В сказках Афанасьева — это Иванко-Мавродо — поучалось-полуверье, сын малоды и женщины.

Такой сауга приводит в плен много юрков мелкого, варит детей козины с яншей, заповет в ястреб пальцы детей Луин и Алени, превратило попов сауга о луке и янше, — словом, совершает ряд бесчеловечных и жестоких поступков.

В конце сказки он обычно убивает хозяина.

Встречается в фольклоре и другой тип работника — аспивный и по добротности. Наружаженный царем, он делается поучившимся деидами с хозяином.

Ни тот, ни другой тип батрака не привлекал внимания Пушкина. Каким он соидает своего Бауду?

Вспомним:

«Спит Балда в попомом доме,
Целит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых,
Де делает у него же пашает,
Допаша зарывает, помосу вспашет,
Печь автопит, все заготовит, закупит,
Плюха ищет, за сам и обзупит.
Попаша Балду не уважалась,
Попаша о Балде луди и печалится,
Попашек зовет его тейки;
Кашу заварит, зяичишка с дитятей».

Пушкинский Балда трудолюбив, добр, сообразителен. От Балды — тупого и безжалостного — осталось у нас только имя. Когда, желая уклониться от расклевки, поп посылает саугу к чертям за обормом, Балда проявляет удивительную смекалку.

С незапамятных времен народное юморю рассказывает Пушкин о составлении Балды с чертями.

Бесенок предлагает Балде соревноваться в беге. «Где тебе татиться со мною?» — говорит Балда. — «...«Лобогонка моего меньшого брата!» Бесенок бежит переговоров с одним из двух заступ, поймавших Балду. Прибегает запыхавшимся, в сауд, (Попаша, оставивший в мелине Балду) уже на месте. Примерно таким же способом, не с помощью рываческой силы, а благодаря смекалке и догадке, побеждает Балда и в других двух саугах.

Побеждая-бегая, Балда расклевывается с лободом трем, огороженными при найме щельцами. Поп, заидя Бауду, вскакивает, за поппаша прыцает, со страку хорочится...»

И не мудрено, так как Балда обладает огромной, поистине богатырской силой. С первого его щелчка

«...Прянул поп до потолка;
С второго щелчка
Лопикал поп языка;
А с третьего щелчка
Выпрыгнул он у старика».

Первоначально у Пушкина был другой вариант. Последняя строка читалась так:

«...Брызнул поп до потолка».

Потом эту жестоко натуралистическую деталь поэт заменил строкой:

«...Выпрыгнул он у старика».

и, наконец, Пушкин отвернулся слова «дух», сохраняя таким образом лишь попу.

В этом постепенном смещении концовки видно все то же желание поэта сделать своего героя более великодушным и человечным. Подобно богатырю Русскому, подобно богатырю Гвидону, герой той сказки — скромный народный герой — отличается высокими человеческими качествами — умом и великодушием.

Характерно, что Балда — самый худший и способностью к самопожертвованию щедр одарен сын богатырей на «Сказки о мертвой царевне». В самом рассказе о богатырях, живущих в лесном домище, слышит

ся отголосок предания о богатырской пограничной заставе, охраняющей страну от врагов.

Приметно встречать богатыря царевну, изгнанную из дома злой мачехой. Как любимая сестра живет она между ними. Открытому ею саугевого не акает на их друбу:

О высоком интеллектуальном и моральном уровне братьев-богатырей свидетельствуют слова их за похороны царевны:

«...Нам ты была любима
И для милого хранима...»

Благородным, великодушным, добрым изображал Пушкин народного героя, а народом постигнут поэт, чем любит и любит народ, свидетельствует судьба его «Сказки о рыбаке и рыбе».

Источником этой чудесной вещи, в ритмах и звуковым строе которой слышится то шум моря, то брызжание саварной струги, прежде считалась русская сказка.

В сборнике Афанасьева и в собрании полных сказок действительно есть сказка, очень близкая по содержанию к пушкинской.

Но подлиннейшим источником, в частности эпизод, описанный в С. М. Бонди черноморских поэта, описывает эту историю. В наводном эпизоде говорится о жемани струги стать римским папой, что указывает на явное происхождение пушкинской сказки.

Родоначальница же афанасьевской и полновского вариантов — «Сказка о рыбаке и рыбке» поэта Пушкина, воспевавшая народом как свою, анившая в народное творчество, усвоенная, витанная народом. Какая высокая награда для поэта и какое огромное отличие от литературных сказок того же Иуновского, превратившего русскую народную сказку о Беренде в романтическую балладу, доступную немцам!

Не нужно думать, что, создавая народные сказки, Пушкин отрывался от себя, от своего, личного. Сказка — личное, неизменно остающееся за собой талантливый создатель накладывает на нее отпечаток своего «я». Что же говорить о такой огромной творческой индивидуальности, как Пушкин?

Боготворчество, личное поэта сказалось всего звучит в «Сказке о золотом петушке». Сказка эта повествует о ленивом и злом самодержце Долоне, не умеющем держать своего слова. Горечь ощущается в строке, не протупившей в свое время цензурой:

«...Но с кажда было водворить».

В 1834 году, когда была написана «Сказка о золотом петушке», Пушкин, любуясь, постигнул эту истину.

20—22 апреля того года было переиздание и представлено царю письмо поэта к жене. Возмущенный, Пушкин подал в отставку.

Николай поручил Бенкендорфу «внести поэту» како бессмысленность его помешания и чем это может поучиться.

О результатах этого «обсуждения» говорит письмо Пушкина:

«...на дикя захрам меня абаа, подал я в отставку, но получаю... от Бенкендорфа такой сугуб аява, что и вступать, и христом и богом прощу, чтобы мне отставку не дали».

Суров козен «Сказки о золотом петушке». Поэт жестоко расправляется с царем Долонею, и конец этот вполне соответствует послужным мейтеным чинам и мораль народна, иногда процветающего в своих сказках, а следовательно, и в жизни, аки и была.

Гениальный сказочник Пушкин пытал безграничное уважение к прошлому народа. Изображая народных героев, он сообщает им высокие моральные и интеллектуальные качества, но такими и есть эти герои, созданные народом согласно лучшим его устремлениям.

Уважение к народу, вера в его восточное чувство вымывались у Пушкина не только в сказках, но и во всем его творчестве, в частности в «Борисе Годунове». Главное действующее лицо этой драмы — народ, стиль всенародный и суровый.

Пушкин сумел увидеть и оценить настоящее лицо народа в то время, когда народ этот был поинижен, слатен, забыт.

Что же сказать о людях, на глазах у которых этот народ стал на первом-втором, осуществляющим несамостоятельную и море задачу создания коммунистического общества, и которые все же ухитрились не поинять его, ослепнуть его прошлое, его героев?

Советская общественность единодушно поинистовала постановление Комитета по делам искусств о снятии со сцены наметочного «Богатырей» Демьяна Беляева, пытавшегося представить историю русского народа в ряде запелых и пошлых нарисоват.

Демьян Беляев не поинизил героев народного эпоса: могучего Илью Муромца, доброго Никиту, хитрого Алешу Поповича. Все так, о ком самага народ лучшие свои песни. Он огорчало черт богатырей русского былинного эпоса, а в время так главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа.

Так гласит пункт «б» постановления Комитета по делам искусств. Эта мысль была поинорне развита в начеивательной в «Поиске» стетие н. И. Лепенева и Л. Тимофеева «Белые люди». Лепенев и Тимофеев ни И. Лепенева и Л. Тимофеева «Белые люди». Лепенев и Тимофеев ни И. Лепенева и Л. Тимофеева «Белые люди». Лепенев и Тимофеев ни И. Лепенева и Л. Тимофеева «Белые люди».

В «Богатырях» Беляева было оплошено все лучшее, что создал народ. И это было сказано в наши дни, в дни расцвета народного творчества, когда, может быть, уже настал расцвет и пробует голос новый поэт — тот, кто сумеет, претворив в жизнь лучшие традиции прошлого и настоящего, создать новое, неизменно отличное, — энциклопедический поэт, о котором мечтал и чьим скромным претеем считал себя Александр Пушкин.

*Болдинская
осень*

Очерк Н. ДЕМЕТЬЕВА
Фото И. Гушина

Берсовая аллея в Болдинском парке.

Летом 1830 года Пушкин соблазнен был предложением Н. Н. Гончаровой. Предложение было принято. Пушкин обратился к отцу. Сергей Львович ответил: «Ты знаешь положение моих дел. У меня тысяча душ, но две трети заложены в Воспитательном доме».

В имении, которое досталось на мою долю после покойного брата (Василия Львовича), издается около 200 душ, совершенно свободных, и я даю их тебе, в твое полное и безраздельное владение».

27 июня чиновник 5-го класса Сергей Львович Пушкин оформил в Петербургской гражданской палате передачу своему сыну части села Кистенево.

Дело должно было пройти через местные судебные инстанции.

31 августа 1830 года, в день отъезда, Пушкин писал другу своему П. А. Плетневу:

«Сейчас еду в Нижний... в Болдино... Осень подходит. Это — любимое время. Здоровье мое крепнет, пора моих литературных трудов вступает, а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе... Стогла распустила. Дорога, по выражению Пушкина, напоминала «яшню, наполненный грязью».

9 сентября ямская бричка привезла его в Болдино.

Дей же осени и пасмурный.

«Прибыв на станцию, рассказывает Пушкин, — наняла я волыных и поехала проселочной дорогой.

Сквозь Горюхинскую рощу дети идут в школу...

Хотя я и рава от природы тихого, но нетерпение... так сильно овладело мною, что я по минуте погонял ямщика... наконец, я завидел горюхинскую рощу и через 10 минут уехал на барский двор; сердце мое блело; я смотрел с волнением необыкновенным...

Бричка моя останавливалась у первого крыльца. Человек пошел открыть двери, но они были заколочены, хотя ставни открыты и дом казался обитаемым.

Баба вышла из людской избы и спросила, кого мне надобно. Узнав, что барин приехал, она снова побежала в избу, и вскоре вся дворня меня окружила...

Через несколько дней после приезда Пушкин писал Плетневу: «Около меня холера — морбус. Знаешь ли ты, что это за зверь? Того и гадки, что забьют в Болдино, да все нас перекусает. Беспокойство росло.

«При всех моих усилиях... сообщал через три недели Пушкин псковской помещице Осиповой, — я не могу добраться до Москвы. Меня оцепляют со всех сторон жаран-тими...»

В такой тягостной обстановке, отрезанный от мира, он засел за стихи.

Болдинская осень оказалась необычайно плодотворной: за два с половиной месяца жизни в деревенской глуши Пушкин написал пять «повестей Белкина», две последние главы «Евгения Онегина», поэму «Домик в Коломенском», четыре маленьких трагедии: «Скупой рыцарь», «Морт и Сальери», «Пир во время чумы», «Каменный гость» — и свыше тридцати стихотворений.

Здесь же Пушкин начал летопись своего села. Горестной и страшной жизнью жило Болдино.

«Предки мои», — пишет Пушкин от лица летописца «села Горюхина», — владели многими вотчинами, не обращали внимания на сию отдаленную страну.

Все управление было поручено управлению и прикащикам, грабившим крестьян и обывавшим помещикам».

«Под их властью... продолжает летописец, — село обидело... Половина мужиков была на войне, другая служила в батраках, ребятники поили по миру, и деи храмо-

Дом Пушкиных в Болдино.

Пушкинские страницы

Вечер в колхозной избе.

его правдивая сделалась не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного.

Картина обитания Болдина была типична для крестьянской России. Это имел в виду Пушкин, приступая к созданию сатирической «Летописи», которую не успел докончить.

Другие дела и заботы отвлекали его. Кроме того мешала цензура. «Летопись села Горюхино» была работой впрок.

А через несколько лет пуля Дантеса прервала жизнь поэта.

После смерти Пушкина село продолжало жить все той же, горестной жизнью.

Болдинцам уходили на Волгу, уезжали в другие города, чтобы только прозормиться и заплатить оброк.

Ничего доводила крестьян до того, что они занимались и солдаты на всю жизнь с единственной целью — уйти из деревни. В Болдине сохранился документ, говорящий о том, как один крестьянин за 50 рублей нанялся на 25-летнюю службу в николаевской армии.

Половина изб была крыта соломой.

В 1912 году самовар имела только одна изба. Он стоял на полке, и крестьяне приходили смотреть на него, как на чудо техники...

Осень 1936 года не сравнить с теми, что были много лет назад. По бывшей крестьянской пашне уверенно идет трактор. Появление его памятно даже самым молодым.

Это было три года назад. На г. Горького приехал первый болдинский тракторист Федя Вострышев, правнуку служившего при Пушкине младшим старостой Игнатия Вострышева.

Топка «гогорзинцев» с любовью и вниманием рассматривала машину. Открылся монтаж. И всем запомнилось, как Федя Вострышев, положив руки на руль, сказал:

Организатор пушкинского вечера комсомола Маруся Козлова с матерью.

— Теперь Болдино будет жить по-новому. Сказочной будет эта жизнь!

Стальные лемехи глубоко врезались в землю. Из-под колес полетела земля. Колхозники сияли широким. Трактор поехал, оставляя за собой взрыхленную борозду.

Феде так и не удалось увидеть новой жизни: он простудился, заболел и через несколько недель умер. Память о нем живет до сих пор в Болдине. Его именем назвали сад, начинающийся от того места, где впервые показался трактор.

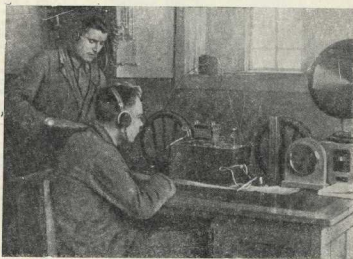
Изменилась и внешность села.

Раньше Болдино делалось на две улицы, на два «порядка». Один из них назывался «Потанкам», другой — «Безьянкам». Ветер сдувал солому с ветвей кривки. Теперь на месте «Потанкам» стоят новые, крепко срубленные избы.

Пушкин называл Болдино «страной пожаров». Пожары причиняли страшные бедствия, от них не было спасения. Теперь у пруда отстроена каменная, при ней — пожарная команда.

В Болдине почтамт, клуб, несколько магазинов. Строится общественная баня.

Село стало жить культурнее. Колхозники и дети посещают библиотеку. Репертуаром во многих избах передают концерты из Москвы. Скоро

Болдинский редуктор.

будет оборудована электростанция: к домам уже протянуты провода...

В саду колхозный садовник Иван Куликов осыпает барбарисовый куст. По преданию, этот куст был посажен великим поэтом, и садовник бережет его как зеницу ока.

Сирень Горюхинскую рощу дети идут в школу. Она помещается в доме Пушкина. Там по вечерам пионеры и комсомольцы репетируют сцену в коридоре из «Бориса Годунова» и готовятся к пушкинскому вечеру. Организатором это дело комсомолка Маруся Козлова. Ей шестнадцать лет. Она пионерка и руководитель литературного кружка. Ее зинитная мечта — приобрести полное собрание сочинений Пушкина.

Болдино усиленно готовится к пушкинской годовщине.

В колхозной изб-читальне происходит чтения стихотворения «Деревня». Старик и молодежь со вниманием слушают строки:

«И вал отечеством скоблен просвещенной»

Войдет он, изкопец, превратная заря».

Потомки крестьянские рабы стали свободными, культурными гражданами социалистического общества. Нет больше «села Горюхино», нет нищей, серой деревни, запечатленной на страницах «Летописи» рукой Пушкина...

Прекрасная, творческая, полная трудов и радости осень — «болдинская осень» тридцать шестого года...

Пушкинские Страницы

доть ее на вашу голову прежде, чем наступит следующий день.

— Хорошо. Но, кутя папку, я оказался в таком положении. У меня совсем есть деньги, собранные для еженедельного взноса за комнату.

— Слушайте, парни! Мне шло надо терять слова на убеждения. Понятно, после из себя Карось похмыкал в большой картонной коробке и бросил на стол маленькую шпильку.

Чарли вытаскивал из часовой карманка три аккуратно сложенных куска бумаги. Одну из них положил на стол...

...

В этот вечер в кафе «Вигвам» все стояло у столбов было застыло. Чарли Вигнетт явился уставший после полуденных занятий. Ожидая его было покрыта пылью. Забрал со стойки прибор, он пошел на кухню и присел за обеденным столом.

Воздух на кухне был теплым и чадным. Выходившая из ослабевших пальцев Чарли тиза каковы носом над тарелкой.

— Эй, парни, прощайте. Ты ошибся постелью! — радостно у него над ухом.

Чарли встряхнул голову. Словно похлывающей лени от различия грузной фигуры доктора Пета Крюгера, восторженно смеющегося.

— Не мешало бы тебе, старина, кое-куда выпастись и на собственной постели. Ты ушибешь себя, Чарли.

— Ах, это ты, Пет? Ничего, как-нибудь продолжится.

Чарли начал работу в девять вечера. Вспредил два свободных часа. «Вернуться домой и поспать? Не хватить времени», — Чарли взял учебник по экономике и направился в последнюю пустующую кабинку ресторана. Но, едва раскрыв книгу, он моментально устал, углубившись лицом в раскрытые страницы.

Ряд Гиббс, кончик смуглой рабауна товарища. Закрыл книгу, Чарли пошел в уборную. Резкий запах нафталина, который дохнул из-под кровати, за дезинфекции, разогнал сон.

Чарли достал папку, которую он принес с собой, вынул, вынул белый лист и превратился в офицера ночного кафе.

В десять тридцать пришла пыльная компания и расположилась в последней кабинке. Забытой студентом книги, дошедшие до сундучка шаржи на пол. Чарли подошел и, подбрав книгу, молча принял זאת. Первые молчаливо, тремко ходили, надвигаясь над его торчащими ушами.

В одиннадцатую, с последним сигналом по сну университетской электростанции, ушли двое аспирантов. Наконец, удалились и пыльная компания по последней кабинке.

Кафе опустело.

В полном приятии на мотоцикле рассылался, забрав заказы. Потряхивая длинные, топорные ноги ночного бодованства.

В первом часу Чарли убрал остатки кустика и миски столбик. В «Вигваме» было пусто.

Чарли встал было за книгу, но не успел проехать и стронуть, как в кафе явилась группа девушек из мюзик-клуба, в шубках, нахмурились поперек плечам.

Началось шумное обсуждение меню «Вигвама» с обильными шуточками и остротами.

Внимая заказ, Чарли снова было пришлось за книгу, но по телефону и резкие взрывы смея мешали ему читать.

В четверть второго мюзик-клуба красочный ушел. Чарли они оставили на чай около прилавка жестов милое. Монеты были вынуты в обиду, в размашистый по тарелкам засыпавший жир и клещий острый, разбросанный между окурками. Чарли отнес тарелки на кухню и снова пригнулся за чтение.

— Эй, Чарли, — крикнул Пет. — Ты опять оставил свои часы?

— Да, оставил. — отозвался Чарли. — Эти девицы всегда оставляют часы таким образом.

— Нет, я вовсе не гордый, Пет. Я лишь стараюсь сохранить чувство собственного достоинства.

Ты слыхал год. Чарли. Я считаю: придают денег всегда — тридцать центов.

— Нет, я вовсе не гордый, Пет. Я лишь стараюсь сохранить чувство собственного достоинства.

Чарли снова оторвал книгу, стараясь сосредоточиться. С трудом одолев старину. Буквы сливались. Мучительно напрягая лицо, он старался открыть сливающиеся главы. Ничего не помогало. Глаза медленно опускались...

Из кухни вышла Пет Крюгер и на цыпочках подошла к стойке.

Он моментально потерпел спящего по плечу. Чарли проснулся.

— Бог мой, да ты, парень, словно мертвец! — завопил Пет. — Лидо, как мля.

— Какой час? — вяло спросил Чарли.

— Неужели только половина третьего?

— Пошли-на, Чарли, приляг на кухонный стол, а я здесь подежурю вместо тебя. Вряд ли ты заблудился в таком месте!

В это время на пороге появилась фигура старого Джима Гудсона. Грузно опустившись на стул, он заказал чашку черного кофе и принялся читать свою обычную одаlessness.

С удивлением и гримасами рассматривая от грязные истории, накопленные им за двадцать лет работы точным сторожем.

В Крюгер провалился под тяжестью каждого анекдота. Чарли снова улыбался.

Старик показывал половину четвертого. Когда убрался дядя Джим, Чарли снова оторвал книгу.

Пет совершенно погрузился в мутьные, иррегулярные глаза Вигнетта.

— Это же мученье — каждые сутки не досылать.

— Это же правда, то правда, — грустно подтвердил Чарли, снова принимаясь за книгу. — Наверное, не выдержу и свалюсь. Но я скорее отрублю себе руку, чем уйду из университета до конца семестра.

...

Аудитория наполнилась. Шарая ногами, борясь с извращениями, студенты рассматривали по своим местам.

Лекция по экономике поспешила ускорить. Доктор Кеншоу был знаменитым автором семи учебников. Пять из них студентам обязывали бы изучить за свой счет.

Лучшим оскорблением для себя Кеншоу считал три тягачиш прокуста: перебреженье к покупке этих учебников, недостаточное восстановление отношения к его остроумию и, наконец, неименение к лекциям по экономике.

В это утро доктор Кеншоу запаздывал. Чарли Вигнетт, как всегда, устроился в самой дальней ряду. Наден свои старые очки.

Перед началом лекции, ажно доктор Кеншоу начал лекцию. Засыпая до этого было рифкованно.

Чарли чувствовал себя плохо: являл последние часы. В течение 20 часов он не слышал тяжелых военных выстрелов. Едва слышались, чтобы не заснуть, Чарли напряженно следил за стрелками часов.

Сдержанный шум аудитории все доходя до его сознания.

Стрелки показывали десять минут двенадцатого. Нарастал взволнованный шепот:

«Он снова готовит нам удэр...» «Доктор сегодня не придет...» «Остались еще одна минута...» «Нет, еще шесть. По закону, полагается ждать пятнадцать минут...»

Это было серьезным аргументом. Но когда часы показывали тридцать минут двенадцатого, какой-то отчаянный студент громко закричал:

— Пошли домой!

Все студенты, кроме пяти-шести особенно разданных, рассматривая вост и вползая к выходу. Чарли Вигнетт, образованный, последовал за ними. Вот повелось: теперь он слышно выписался дома.

Дверь аудитории отворилась и... запылавшая доктор Кеншоу переступила порог. Это был суетливый человек с остроконечной бородой.

Добравшись до кафедры, он бросил на свое подножие и пригнулся вытаскивая стекла очков. Студенты поспешно рассматривались по местам.

— Мне кажется, — дрожащим от гнева голосом начал мистер Кеншоу, — мне кажется, влестаронное чувство такти обнимало бы аудиторию допоздна моего прихода в тех редких случаях, когда я запаздываю.

Несколько студентов обменялись выразительными взглядами. Взгляды означали: теперь мы знаем, почему доктор Кеншоу опоздал из его знаменитых пароксизмов бешенства.

— Сегодня я не стану читать вам лекцию, — пролаял доктор Кеншоу уже без обиды, — вы должны по своим силам справиться с гомсом. — Я думаю предоставить право говорить вам. Надеюсь, я

не встречу возражений, если сегодня мы прослушаем несколько докладов на заданные темы. Выходите из моих кабинетов. Очистите их доклады будут отменены на весь семестр. Итак, валяйтесь.

Он оторвал класкую книгу.

— Мистер Аббат.

Мистер Аббат встал и пробормотал извинение. Доктор Кеншоу холодно взглянула на него, но ничего не сказала. Аббат был один из его любимых.

Наступил час мисс Болонтейн.

Взволнованная мисс, подвигившись с места, многоголосьм гомсом начала читать об «Экономических последствиях мира». Было много, что доктор Кеншоу не слушает ее. Маленькие жесткие глаза его перебежали от одного ряда к другому в поисках жертвы.

Ночи Чарли Вигнетта неожиданно затнугли. В Пятницу доктор Кеншоу объявила лекцию назавтра. Жесткие глазами доктор остановился на Чарли.

Когда мисс кончила, Кеншоу туло славало:

— Очень хорошо, мисс Болонтейн, очень хорошо. Завтра не будет ли кто-нибудь так добр разбудить отдаленного молодого дилетанта в послеполуденный?

Послышался смех. Все повернувшись, забавляясь, как Маллстон Беймис рассматривал Чарли Вигнетта. Доктор Кеншоу пробегала глазами список фамилий в своей маленькой записной книжке.

После исторического крепкого пива под ребра Чарли испуганно вскопала. Все громко рассохталось.

— (М-м-м... м-м... мистер Вигнетт, не так ли? Мистер Вигнетт, вы доклад.

— Простите меня, сэр.

— Мистер Вигнетт, как называется книга, которую вам было предложено прочесть для доклада?

— «Теория правдоподобия» Бебена.

— А тогда вам не известно. Вы, очевидно, пришли к выводу, что экономика является правдивым классом.

В аудитории раздался взрыв смеха. Доктор Кеншоу, доводящий свой смех овердолой острой и поаляющей, был шумным одобрением, сматчелся. Неожиданно к нему вернулось хорошее расположение духа.

— Теория мистера Вигнетта, видимо, удалась. Большая половина вашего класса. Но не постарайтесь быть синхронизмально. Никто не называет меня суровым педагогом. Я не позволяю только аудиотерпимости моей синхронизмально. Сегодня больше выслушайте докладом я не буду. Но в следующий раз низаю отговорю... А вы, мистер Вигнетт, если вы поговорите со мной сразу после занятий, я буду рад выслушать ваши обяснения для доклада.

Я слышу, чтобы вы все время удовлетворительные отставки.

— Благодарю вас, сэр. — пробормотал Чарли. Воспаленными глазами смотрел он на часы. До звонка оставалось 13 минут.

Завуауа звонки. Все опустело. С места, аудитории опустело. У кафедр стояли не большая группа студентов и студентов. Это была двенадцатая и дипломатическая публика. Они добивались лучшего отместки. Доктор Кеншоу импровизированно ставил свое лекции на несколько минут, чтобы принять от студентов долж уважения.

Раздались обычные пустые вопросы и комментарии. Но Кеншоу оборвал их и, призывая уважительно, своим тоном сказал: «Ваше поведение, прозвонил: «Шш, шш...» Все головы повернулись по направлению его взгляда. Сдержанно злились, молчалие дипломаты на цыпочках удалялись.

Когда все ушло, доктор Кеншоу оторвал маленькую записную книжку. Поводя пальцем по листу, он добрался до фамилии Вигнетта и в жалосте отменил за семестр звания и пенитенции.

Громкий хрип доносился из задних рядов. Доктор Кеншоу брезгливо поморщился. Она взглянула палло, ала портфель и, наклонившись, вынула из него записную книжку.

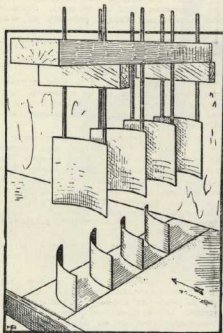
— Шш, — раскатился охом по аудитории. Но Чарли Вигнетт безмятежно спал в последнем ряду...

Перевод с английского

А. БУЧКОВСКИЙ

Настоящее могущество

Евг. КРИГЕР

Направляющий аппарат внутри стеклянного лотка.

Встречаясь с советскими учеными, я часто задавал себе вопрос, в чем заключается истинное могущество человека в его борьбе с природой.

Однажды я понял, что вопрос поставлен не совсем правильно, и тогда же самое слово «борьба» являлось для меня в новом свете, в новом понимании. Вот как это случилось.

Судьба столкнула меня с двумя учеными, и вышло так, что они, работая в разных отраслях науки, независимо друг от друга, побуждали меня исправить свою ошибку в понимании процесса борьбы человека с природой.

Первый из них — советский гидротехник профессор Михаил Васильевич Потапов. В деятельности этого человека меня поразило неслыханно грубо противодействующие силам природы. Он лишь стремится направить эти силы в нужную для человека сторону, притом наиболее экономичными способами.

Профессор Потапов в лабораториях усложнил науку, в достаточной степени отмеченно, механизмом водного потока.

Каждый, кто жил вблизи судоходной реки, знает, как изменился ее характер и как упорно усилила природа на пути пароходов и барж препятствия в виде мелей, наносов, внезапно возникающих кос и островов. Хитрость рек в этом отношении достояние удальица. Течет большая река, и вид ее с первого взгляда совсем неясен, такому взгляду как будто можно доверять, но действительности река странно коварна, встает, снижается.

Капитаны прокладывают ее за изменениями фарватера, за булавочками ее места на место мели, за наносом возле пристаней и тому подобные неожиданности и подводны.

Жителям прибрежных городов и деревень, а также инженерам рудают

обмывания-завалки за разрушение берегов вместе с культурными землями, за размытие почв под устройством мостов, за непрерывную разбойничью деятельность.

Государство принуждено из году в год затрачивать миллионами рублей на борьбу с реками-разбойниками, но реки тут же похищают эти миллионы, и на следующий год работу приходится повторять сначала. Это поистине силовое труд — перекадывание наносных земель с места на место. Опираясь оросительные каналы Союза, рабочие и инженеры каждый год выкапывают 65 миллионов кубометров наносов, на одних только волжских порожках земледельцами из году в год вытребуют со дня 6—7 миллионов кубометров песка.

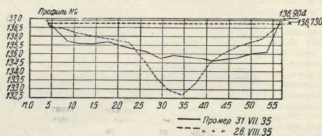
Гидротехники борются с реками с помощью земечерпалки, укрепляют речное дно и берега неразрываемой оцепкой, возводят сложные «выпрямляющие» сооружения. Все это требует из году в год огромной затраты средств, материалов и человеческой энергии.

Профессор Потапов заставил реки течь у себя в Институте гидротехники и мелиорации. В лаборатории вскоп стволы лотки с проточной водой, прямые и изогнутые, подобно тому, как изотупы бывают русла рек, вскоп журчала потоки, ручьи, шала вода, законы которой до сих пор еще не изучены до конца человеком, хотя «многой воды утекло» с тех пор, как появился человек на земле. Конечно, это были маленькие «реки», длиной не более чем в 3—10 метров. Но это было достаточно, чтобы проанализировать поведение потока в различных условиях. Закон остается общим и для Волги и для крошечной, лабораторной «реки».

Уже раньше было известно, что жизнь водного потока сложна и разнообразна. На изгибах русла вершине слон воды стремится к противоположному берегу, в низинах, донные слон отклоняются к выпуклому берегу. Такие сбра-

Опытная установка на канале Павлов в киновоеых Амударии.

Сложная линия дает профиль дна канала Павлов, проектирующая — где же профиль 4 дня спустя после установки системы проф. Потапова. Углубление дна достигло 4 метров.

Профессор М. В. Потапов.

зом, водный поток, кажущийся единым, на самом деле расщепляется. Если пропустить за частью воды, то можно увидеть, что под влиянием центробежной силы, действующей на поверхности потока, она спешит в выпуклой стороне, устремится о барьер, опустится на дно вместе с другими частями воды, участвующими в разрыве берега и дна и, затем, в долом потоке спешит в обратном направлении, к выпуклому берегу, и вытеснит его вытеснением со дня частицами грунта. Таким образом, поток движется в своей толще винтообразно, река как бы ввинчивается в русло и выражает одну его сторону, заваленная наносами другой.

Профессор Потапов и его ученики с помощью тонких математических расчетов изучили поведение частиц воды в движущемся потоке и нашли способ приводить поток к винтообразному движению искусственным путем.

Опыты были построены очень интересно. На дне лотков, эти маленькие лабораторные «реки», лежал песок, орошающий в янтарный цвет, а на поверхности «рек» плавали легкие и подвижные пилы или ленты. У начала «рек» профессор Потапов и его сотрудники ставили под определенными углами несколько пластинок, которые они называли «струеуправляющими». Как читатель уже понял, пластины направляли направление циркуляции потока в потоке и вызвали винтообразное движение.

Но как заметить это винтообразное движение, как увидеть его, если оно? Вода прозрачна и внутренняя жизнь потока скрыта от глаза человека! Тут-то и приходили на помощь ленточки на дне окрашенной песком и ламинированные на поверхности подвешенные ленты.

С огромной радостью увидели ученые, что жизнь подтверждает не математические расчеты. Искусственно вызванный водный «винт» (т. е. винтообразное движение потока) подчинился воле человека. Если раньше на порогах русла вершине слон потока стояли прямо, а донные валеы, то теперь, под действием струеуправляющих пластинок, вода отклонялась плавно, выкручиваясь, а песок на дне начинал сдвигаться вправо.

«Винт» работал так, как это нужно было человеку. Следовательно, можно распоряжаться движением водного потока и извращать его «винт» с таким расчетом, чтобы он перестал гнать и размыивать один берег и заваливать наносами другой.

Человек научился управлять «винтом», действующим в водном потоке. Теперь не нужно бороться с рекой, усмирять ее, бороться с земеле-

черпалами за буйными морями: стоит лишь использовать внутренние силы реки — она вскоре станет разливаться, текущая в одну сторону, а другая — берега приподнимет гудительный разлив берегов.

Профессор Потапов и его сотрудники перешли свои опыты на тестовую лабораторию в большой мир настоящей реки, реки Аму-Дарья, где город Турктулак подвергается упорному штурму воды, размывающей правый берег. За один 1934 год река оттащила волею города кусок земли шириной в полкилометра.

Вместо струнамывающих паводков, действующих в лабораторной «реке», на Аму-Дарье были по тому же принципу установленны щиты-полотна, замещающие сложные и капитальные защитные сооружения.

«Виты» потоки как бы перекрутились, аэрились и дождевые воды изменили свое направление, и, вместо того чтобы размывать береговую линию, Аму-Дарья стала наращивать ее своими наносами.

В этом году экспедиция Института гидрологии и мелиорации продолжала свои опыты на Аму-Дарье, но в гораздо более трудной обстановке, в самой густой паводке, в полове-июле. Половодная вода мчалась с бешеной быстротой и сильно усложняла «воспитательную» работу ученых. Все же принцип, найденный профессором Потаповым, оказался непоколебим. Невидимые, сокровенные силы реки трудилась на благо человеку, а не во вред ему. Город Турктулак, где начала уже рушиться горная стена, был спасен.

Проверяя «прочность» своего принципа, профессор Потапов обращается к самым сумасшедшим водным потокам Союза, к Памилу, омывающему город Бухарамбад, к реке Ваши с орошаемыми каналами имени Сталина, особенность которой является колоссальной скоростью потока — шесть метров в секунду. Новый метод управления рекой, разработанный М. В. Потаповым, подвергся проверке в самых трудных условиях и уже привнес к осуществлению на многих реках и каналах Союза.

В условиях социалистического хозяйства перед людьми научным открытием лежит широкая дорога из степи, пустыни, из безлюдного мира с высоким небом и необитаемых гористых тайн.

Научную доктрину подхватывают сотни рук, она охватывает все пространство труда. Разве не испытывает высокого удомствования профессор Потапов, видя, что дело его продолжают в разных концах страны? Город Дюлема «наставляет» Ваши и Памил, армяны Хачатурян направляют в пустыню сторуку ламаную энергию Аму-Дарьи, турки Ватабов работают на Азиевском канале в Азербайджане, русский Алтушня создал великолепные карты «воспитатель» рек в Средней Азии.

Второй ученик, испробовавший неверное мое представление о борьбе человека с природой, — великий Илья Васильевич Гребенщиков.

При встрече я сказал:

— В моем представлении своими работами о химических реакциях на поверхности силикатов и металлов вы идете к тому, чтобы заставить природу работать на человека.

Пожилый, мудрый, усталый человек улыбнулся и после паузы ответил:

— Зачастую не надо заставлять природу что-нибудь делать. Просто не надо ей мешать!

Академик Гребенщиков работает совсем в другой области чем профессор Потапов.

Чтобы перейти к его работам, нам нужно совершить головокружительный прыжок из мира больших атомов в мир молекул и атомов — из макромира в микромир.

Работа академика Гребенщикова имеет отношение к процессу полимеризации материалов.

Известный всем процесс в действительности не так прост, как это кажется с первого взгляда. На хорошо отполированной поверхности стекла отступление от идеальной поверхности, а т. е. незначительные, да глаза бугорки и неровности, равны 1/200 доле световой волны. Что это значит? Это значит, что молекулы атомы на этой поверхности не прилипают толстыми четверть атомов, — другие молекулы, высота эти выступов равняется четверть атомов, положенных друг на друга. Мастер-полировщик, таким образом, совершает в миллион раз более толстую и длительную работу

чем лесковский оружейный мастер Леша, подкованный блоту.

Сущность процесса полимеризации до сих пор оставалась неясной.

Один ученые уверяли, что отложение его на шаровике состоит в том, что твердые зёрна полимерного материала пролипают более толще чем при полимеризации и потому незаметные для глаза шаровики.

Другие утверждали, что при полимеризации верхний слой полимерной поверхности не снимается, а лишь получает новую структуру, как бы «штампуется» (но чем же тогда объяснить уменьшение веса полимерного материала?).

Против доказывали, что верхние слои вследствие полимеризации разорываются, падают и остаются гладким слоем на поверхности (но как же тогда объяснять процесс полимеризации в присутствии воды?).

И. В. Гребенщиков установил, что при полимеризации происходит тонкая химическая реакция между полимерным материалом, средой, а которой происходит полимеризация, и материалом полимеризации. Когда, наконец, полимеризация в присутствии воды, возникает химическая реакция, в результате которой поверхность стекла покрывается тончайшей защитной пленкой, предохраняющей стекло от дальнейшего разрушения от действия воды. То же самое но в других условиях происходит при полимеризации силикатов, минералов и, наконец, металлов. Вот тут-то академики и советуют не мешать природе, которая идет навстречу человеку. Он доказывает, что при полимеризации не возникает не на самом веществе, а лишь на покрывающую его тончайшую коллоидную пленку. Природа сама помогает человеку. Мы можем отказываться от сложных станков и с помощью более мягких чем полимерное вещество материалов полимеризации снимать с поверхности пленку, как охотник снимает шкуру с убитого зайца.

Как это следует понимать? Академик Гребенщиков советует восполняться природой! И. В. Гребенщиков, в данном случае химической реакцией, возникающей на поверхности. При сопоставлении с водой на стекле образуется тончайшая защитная пленка. Затем же нам трудиться над обработкой самого стекла, если мы можем выработать только полимерную пленку? Вот мы сняли один слой стекла, но в незначительную долю времени под действием воды возник новый слой, и теперь мы можем снять эту второй слой. Так, сняв пленку слой за слоем, мы отполируем стекло, применяя не силу, а разум, т. е. используем свойства самого вещества, химическую реакцию при соединении его с водой.

Химия здесь как бы работает за человека. Сначала пленка будет сниматься с неровности и выступов на поверхности. Потом поверхность сделается гладкой, и тогда полимеризация станет снимать всю пленку целиком, действительно, как шкуру.

На основе своей теории академика Гребенщикова идея целой группы практиков предложить нашим заводом, обрабатывающим стекла, посоветовать отказаться от сложных установок, да точный состав порошков, которые нужно

употреблять при полимеризации, ибо они ускоряют и облегчают процесс срывания пленки.

Но еще более разительным примером экономии сил при «борьбе» с природой мы видим в работ академика Гребенщикова в области полимеризации металла.

Защитная пленка возникает на поверхности металла под действием... воздуха. Металл осясается, т. е. вступает в химическое соединение с кислородом. Полимеризация металла по тому же принципу, что и стекла, мы снимаем толстую пленку окислов, а возоблагодает пленка под действием того же воздуха. Здесь уже обмысленнейший воздух работает на человека.

Теперь перед нами ясное раскрытие глубокого смысла этих слов:

— Заставлять природу? Зачем? Порой ей всего лишь не нужно мешать!

Мысль о том, что в этом случае заключается не в том, что он применяет грубую силу для воздействия на природу, а в том, что он в своих интересах использует ее же тайные свойства.

Химическое реакции на поверхности вещества, изучение Гребенщиковым, открывающее новые возможности в технологии строительных материалов, в использовании бетона, в применении силикатов для удобрения земли, ибо, как выяснилось, пленка на поверхности стекла содержит питательные для растений вещества. Но это — дело далекого будущего, что лишь пролога ученому, заглянувшего далеко-далеко вперед.

Работы друга ученых, о которых я рассказывал, впервые изменили мое представление о борьбе человека с природой.

Наука находит все более простые, легкие пути к использованию стихийной силы, блуждающей на земле, на море, в воздухе и внутри вещества. Титанический эпизод природы, направленную, казалось бы, против человека, он отводит в другое русло, и природа начинает работать на человека.

Разве не вызывает восхищение мощь человеческого разума, борющегося с враждебной стихией рек и потоков не грубой и силой, а «воспитательной» работой, которая превращает дикую силу в друга и помощника человека?

Разве не свидетельствует о подлинном могуществе человека работа академика Гребенщикова, позволяющего тайные свойства атомов и молекул?

Все волюнтеризм и разумней употребляет человек для борьбы с природой ее же собственными силами и свойствами? Это и есть настоящее могущество человека во взаимоотношениях его с внешним миром, с природой, с внешней средой, рек, водопотоков, гроз и, наконец, воздуха.

Могущество советской науки заключается также в том, что она неразрывно связана с жизнью. Все громады жизни, энергии, творчества советского государства волею партии обрели ясность и направлены вперед, в будущее, подобно тому как разумной волей человека направлена атомная энергия Аму-Дарьи.

Устье канала, огибающего канал Памил от наносов.

Торговые юнты полярных

14 декабря 1911 года — 14 декабря 1936 года

Рольд Амундсен на полюсе.

Еще во II веке нашей эры греческий географ Птоломей указывал предположение о том, что в южном полушарии нашей планеты должны находиться обширные материи.

Начало исследованию Южнополярной области положил знаменитый мореплаватель XVIII века Джеймс Кук. Правительства нескольких стран связывают сюда экспедиции Бессанта, Кукера и Адамса. Исследователи Бессанта и Адамса за Полярным кругом повстречали корабли французов, американцев и англичан.

Самым большим успехом добилась английская экспедиция на кораблях «Эребус» и «Терор» под командованием Джеймса Кларка Росса и Френсиса Крайе (в 1838 по 1843 год).

Россе достиг 78° 10' южной широты. Он трижды звалова за Полярным кругом. Россу принадлежат и честь открытия «ворота» в Антарктику, единственного места, где преодолел великий ледовый барьер, откуда можно двигаться в глубь Антарктиды, к полюсу. Море Росса становится объектом отправки пунктом всех антарктических экспедиций.

Интерес к «шестой части света» возрастает с каждым десятилетием.

В конце прошлого столетия вопросы исследования Антарктики занимают международный конгресс географов, а в начале нынешнего века три экспедиции (Скотта, Нордenschельда, Шекелтона) устремляются за Южный полярный круг.

Эти экспедиции окончательно выяснили существование южного материка. Теперь на очереди стояли другие задачи: нужно было изучить подробности этого материка и достичь Южного полюса.

Первым на разрешение этой задачи выдвинулся англичанин лейтенант Шекелтон. Шекелтон достиг 88° 23' широты. До полюса оставалось всего 130 километров, но пришлось повернуть обратно: неслись сланы людей, иссякло продовольствие.

Рольд Амундсен с пятидесятитонного возгара метал о Северном полюсе. Готовил себя к роли исследователя неизведанных пространств.

Открытие Северозаднего прохода (в 1905 году) закрепляло за ним репутацию серьезного полярного исследователя.

В 1909 году Амундсен получает звание Норвежского географического общества отправиться в Северный океан. Доложить места превращались в лав. Амундсен решил идти к Северному полюсу. Но когда все приготовления были закончены, весь мир облетела сенсационная весть: полюс открыт!

«Северный полюс открыт», — пишет в своем дневнике Амундсен. — Цель, о которой столько мечтали, для которой столько работали и страдала, наконец, достигнута».

Амундсен решил повернуть свой корабль на юг.

В Южнополярной области почти одновременно оказались две экспедиции: норвежская под командованием Амундсена и англий-

ская под командованием капитана Роберта Скотта. Амундсен местом высадки своей экспедиции выбрал Китовую бухту в море Росса. Выбор ее не был случайным.

«Китовую бухту я считаю самым удобным местом для зимовки», — читаем мы в дневнике Амундсена. — Прежде всего туда можно провалиться на юг дальше чем из любого другого места. Она на целый градус южнее пролива Мак-Мурдо, места, назначенного Скоттом для стоянки. Уже это одно имеет громадное значение для поездки к полюсу на санях.

Так же строго, как маршрут, было продумано снаряжение экспедиции, ее транспорт.

«И явля с собой девятую семью лучших гренландских собак, потому что звалю, как легко и свободно они переходят через опасные места на льдинах. Если собака и провалится в трещину, — беда не велика: собака легко вытащить. Не так легко вытащить поин... Поэтому мне крайне удивляется, что Скотт берет с собой так мало собак и предпочитает манчурских поин, Босси, что он совершает непоправимую ошибку».

Скотт трезво оценивала преимуществ своего соперника:

«Не подмывает сомнению, что пав Амундсен является серьезной угрозой нашему. Он находится на 60 миль ближе к полюсу. Его план идти на собаках великолепен. А наш план, если не может наступить в начале года, а с лодками это невозможно».

Предчувствия не обманули Скотта. 20 октября 1911 года Амундсен с четырьмя спутниками (Винстинг, Хасель, Хансен и Биваланд), имея в упряжках 50 собак на четырех санях, двинулся к Южному полюсу.

Капитан Скотт смог выступить лишь 1 ноября, десятю днями позднее.

С первых же дней у Скотта начались невзгоды. Моторные сланы сломались. Пришлось их бросить, а груз разложить на упряжных экспедиции. Странные метели встретили англичан на первых же километрах пути и не оставляли их до самого полюса. Вот запись из дневника Скотта:

«8 декабря. Положение становится отчаянным. Снег страшно густой. Мы попробовали запечат «Нобби» и он погрузился по брюхо. Никто считает, что лодками привез коню».

14 декабря Амундсен измучился, все до одной. Когда развалил лагерь, лошадей всех застрелил».

А в это время отряд норвежцев уверенно продвигался к полюсу. Их благоприветствовала погода, да и собаки оказались более выносливыми чем поин.

14 декабря 1911 года, двадцать пять лет назад, норвежцы достигли Южного полюса. Они произвели необходимые измерения, воздвигли норвежский флаг, поставили палатку, в которой было оставлено письмо с отчетом экспедиции, и двинулись в обратный путь.

26 января 1912 года Амундсен и его спутники покинули лагерь товарищам, дождавшимся их на «Фраме». Все путешествие к полюсу заняло 37 дней.

В то время как огромными успехом норвежцы возвращались в Китовую бухту, отряд капитана Скотта, измученный беспрестанными метелями, туманами, буранами по гатчеркам и горным хребтам, все еще двигался к полюсу.

Он достигал полюса лишь 18 января 1912 года. Черная палатка с развешенными над ней норвежскими флагами бросалась навстречу в павла... Амундсен определил англичан на месяц.

«И вот мы повернулись спиной к полюсу, к тому, к чему так горячо воскалывали в дни Скотта, — перед нами лежали 800 миль, которые мы должны были пройти с грузом и разноразмерными на дуле».

Капитан Скотт и его спутники не вернулись в пролив Мак-Мурдо. Они погибли, дойдя до Англии, в 20 километрах от продовольственного склада, где их с нетерпением ждали товарищи...

В. В. У.

Такие жертвы стоило человечеству познание полярных пространств. Только благодаря им условия, в которых приходилось первым полярным исследователям совершать свои открытия, можно понять мораль, которую не мучают, их преданность науке.

Шекелтон, чтобы осуществить свою экспедицию к Южному полюсу, принужден был занять деньги у частных лиц, уплатить, провозить; английские Амундсен в свои дни, делавшие не раз и не два, аутлет на стесненные материальные условия, а героический Скотт, в предсмертную минуту обречая свой вздох к семье, доводившей сумасшедшую радость на последние слова: «Ради бога, не оставляйте наших близких».

В Советской стране для полярного исследования, открыты широкие просторы. Нигде в мире нет таких условий, для научно-исследовательской работы, как у нас: нигде нет такой власти о человеке, как в Стране советств. Стоит вспомнить хотя бы величайшую эпопею!

Советская страна чтила память отважных исследователей полярных пространств. Их трудом, дорогим нам, как дорого все то великое, что создано человечеством. Они сродни нам своей волей, целеустремленностью, Мил их правые исследования.

Большинство наших потрудившихся над освоением Арктики. Великим северным путем, как и великим полярным, радиостанции связали материковые во льдах острова с Большой землей, и, приравняв еще большие победы, превратили над Ледовитым океаном распрямилась птица Чалова, на фюзеляже которой было написано коротко: «Сталинский маршрут».

1 Экспедиция пересекла Полярный круг и открыла первую на этом широте бухту (Земля Александра I).

2 Английский Роберт Пири (6 апреля 1909 года).

ГЕОРГ БОРН
ЕДИНСТВЕННЫЙ
И
ГЕСТАПО

Штефенс занимается на службу в Гестапо и совершает ряд преступлений: выслеживает антифашистов, крадет у них документы, участвует в убийстве национал-социалиста Урбиса, восставшего против «вождя» своей партии, организует похищение крупного антифашистского деятеля Арнольда.

С каждой страницей Штеффен становится все более омерзитель-

Книга Борна — блестящее произведение антифашистской литературы. Она дает советскому читателю наглядное представление о грязных и кровавых методах фашистской диктатуры.

В 1854 году английский корабль «Принц», везший жалованье войскам, осаждавшим Севастополь, затонул в Черном море, у Балаклавы. Попытки достать со дна моря сокровища погибшего корабля были безуспешны. В 1923 году советское правительство решило сделать еще одну попытку. Для ведения работ была образована при ОГПУ Экспедиция подводных работ особого назначения. Экспедиция обследовала

На десятой странице книги Бобринского помещена карта Черного моря. У берегов море густо усеяно точками — их больше 200. Каждая точка обозначает судно, либо затонувшее вследствие катастрофы, либо потопленное его экипажем, да того чтобы оно не досталось империалистам, либо пущенное ко дну белогвардейцами и их европейскими союзниками (последних больше всего). И все эти суда были подняты ЭПРО-

«Малыгин» сидел на камнях у негостеприимного острова в суровом Полярном море. Стояла арктическая зима́няя ночь. Корабль был залит водой, забит снегом и льдом. «Устроив камбуз, добывая подкормку для животных, снег, мы-

Эпсон превратился в мощную организацию, снабженную всеми новейшими средствами подводной техники. Деятельность его, которая первоначально ограничивалась Черным морем, распространилась на все моря и океаны, омывавшие Советский союз. Первые годы своей работы Эпсон только поднимали затонувшие суда, впоследствии он стал заниматься и спасательными работами. Подъем

Трудовые коммуны—лишь один из примененных советским государством методов перевоспитания преступников. Исправительно-трудовые лагеря, о которых рассказывается в книге «Камена имени Сталина», перевоспитывают еще более законсервированных преступников. Но принцип перевоспитания и здесь тот же: благодаря производительному труду и воздействию коллектива бывшие преступники становятся честными советскими гражданами.

В книге много ценных сведений о технике подводного дела, о замечательных людях этой профессии, об успехах, достигнутых человечеством в завоевании морских глубин, и о том, что предстоит сделать в этой области в ближайшем будущем. Книга выпущена «Молодой гвардией» вторым изданием, значительно дополненная, с хорошими иллюстрациями.

Формуляр обвиняет

На двадцатом году советской власти нечего удивляться, что в нашей стране много страстно участв, читают, работают над собой. Напротив, надо удивляться, что есть еще молодцы, которые не любят и не ценят книгу.

Комсорг одного из цехов завода «Авангард» Михаил Васильев равнодушен к чтению. Об этом ярко свидетельствуют его библиотечные листы книг: «Два мира» Забужина, «Голубая книга» Михаила Зощенко, «Палаче Кассас-о-эра» Генриха Феня, «Бабьи трофеи» Березовского и «Океан» Назарова. Подбор названий скажет Васильев принадлежит к числу тех читателей, которые, заглатывая в библиотеку, не хотят библиотечнику дать им «какую-нибудь привилегию по выписке усмотрению». Читают такие люди не из глубокой, внутренней потребности осмыслить свою жизнь и работу, а чтобы «убить время».

Сейчас Васильев читает Пушкина. Но делает он это — есть основание полагать — снова не из внутренней потребности.

Молодежь завода по-настоящему увлекается Пушкиным. Совсем недавно один из комсомольцев цеха поразил комсорга тем, что неопытно для всех произнесло прочесть наизусть большой отрывок из «Евгения Онегина».

Васильев считает пушкинских юбилей очередной кампанией. Раз кампания — надо готовиться. Пройдут пушкинские дни — и Васильев и не подумает заглянуть в томики сочинений величайшего юного поэта.

На этом же заводе работает слесарем комсомолец Виктор Кривоногов. Если судить по его двадцати запискам из самых вычитанных формуляров, он один из самых вычитанных людей на заводе.

Вот какие книги перечислены в последнем формуляре Кривоногова: юный слесарь прочел «Алехандро», «Мистерию» Байрона, сочинения Пушкина, мемуары Терюкова о Родине, дневник Софьи Андреевны Толстой, четыре тома «Алсфера» Эженя Сю, «Гранди» Эзерского, сборник «Литература Китая и Японии», «Крестные» Бальзака, «Избранные рассказы» Эдгара По, «Драмы» Ибсена, исследование Яворской о великом французском художнике Ломоне и др. «Дешевки» и «чтивки» он не берет.

Помимо художественной литературы Кривоногов систематически читает произведения Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

На том же заводе контролером одного из цехов работает Алексей Крацов. Пять лет назад Крацов не любил книг. Но в бытность своим комсоргом года он — не в пример Васильеву — стал усиленно читать, чтобы стать достойным доверия своим товарищам. Наконец, на вечер посвященном обсуждению романа «Испытание» Вилана Бродяка, Крацов выступил в преемх. Присутствовавшего на вечере писателя поразила глубина и основательность этого выступления.

Кривоногов, Крацов, Броня Туровская, Надя Усова и многие другие любят книгу, любят читать, расширяют свой арсенал. Васильев, Жуков и Мееронич, записанные в той же библиотеке, жалуют собой пример людей, равнодушных к чтению которых можно объяснить только невежеством, ленью, нежеланием учиться.

Читательский формуляр сообщает, что Алексей Мееронич с 10 июня 1935 года по сей день прочел не больше восьми книг. А комсомолец цеха Валерий Жук с августа 1936 года прочел четыре книги.

Впрочем с Васильевым, Жуковым, Меероничем идет комсомолец Арсений, формуляр которого почти пуст. Записался он в библиотеку два года назад. Сколько событий произошло

за это время! Но в читательском формуляре Арсеньев не отражен интерес к XVII веку Российской коммунистической партии, к сталинскому движению, к героической борьбе испанского народа с фашизмом и др.

На одном из авантюристов заводов работает толкатель комсомолка Леонид Полторацкий, который много лет уже собирает библиотечку.

В его скромной комнате теснятся на полках сотни чудесных книг.

Полторацкий хочет, чтобы окружающие его люди также научились ценить литературу. Особенно хотелось ему, чтобы товарищи по фабулачу, а сейчас сосед по станку — Петр Саломатин — полюбил чтение.

Однажды Полторацкий пригласил к себе Саломатина.

— И все эти книги, — Саломатин показала на шкаф, — ты прочел?

Он кивнул головой.

— Да.

— Зачем же их тогда держать?

— Зачем? — у Полторацкого было давно продуманный, годами вымощенный ответ. — Есть книги, Петя, в этом шкафу, которые я перечитываю по многу раз. К ним часто возвращаюсь.

— Ну, — сказал Саломатин, — я и по одному разу не все читаю. Не обязательно, по-моему, читать роман «Патен», когда есть прекрасная кинокартина о том же самом. Можно прослушать оперу «Тихий Дон» — и за два часа узнать содержание романа, за прочтение которого надо было бы потратить по крайней мере неделю.

Полторацкий знал, что не только Саломатин так думает: и Менья Иванов, и Симе Ходякова, и Вера Ананова, и Федя Уфимцев, и

многие другие считают, что просмотр кинокартин и просмотрные оперы полностью заменяют соответствующую книгу...

Леонид Полторацкий говорит и докладывает заводскому клубу на тему «Книга в жизни великих людей». Его поразили слова умирающего Пушкина, обратившего свое уснувшее сердце к книгам: «Прощайте, друзья! Пользуйтесь! Выпасаю страницы из «Детства», «В людях» и из других произведений Максима Горького, где основоположник пролетарской литературы прославляет книгу, радость чтения. В тетради Полторацкого можно найти цитаты из писем великого Ленина к родным с просьбой о присылке книг, цитаты из воспоминаний Надежды Константиновны Крупской, где рассказывается, как много и жадно читал Владимир Ильич. Леонид Полторацкий будет говорить о Сталине, о пропавшем мною значим любимым вождем классической литературы и умение ею пользоваться для того, чтобы развить врагов народа. Разве все мы не находимся примерами из произведений Щергина и Гоголя, которые товарищ Сталин так блестяще применил в своем докладе на чрезвычайном VIII съезде советов?

Читательские формуляры Леонида Полторацкого, а также Кривоногова, Крацова, Броня Туровской и других раздают как тем, кто в них ярко отражена неумная жажда знаний, понять яму прерывающую действительность, понять прошлое.

Такие, как они, будет все больше среди нашей молодежи.

Е. ВЕНКОВ

От редакции: Просим читателей написать нам по вопросам, затронутым в статье

Е. Венкова. Отклики будут напечатаны в журнале.

Рис. П. Калтенберг

ДАТА	АВТОР	СРОК ВОЗВРАТА
11/1	Забужин "Голубая книга"	2/15

20/15	Юков "Испытание"	
-------	---------------------	--

Его «близкий»...

НА КРАЮ РИНГА

Очерк В. ВИКТОРОВА

Тренер бокса А. Ф. Гетсе.

Кожаные мешки свисают с потолка. Никелованные стойки, словно стожки, дробят на весу: лязжут бегущие тренировочные груши. На стене — черные грозди перчаток. В зеркалах отражаются бесоловчатые каннаты и парусиновый настил боевой площадки — это и есть ринг «Динамо», где тренер Гетсе проводит опытных бойцов.

В 5 часов 30 минут начинаются занятия новичков — высокие тоноконные ребята, шпильники старых классов, молодые рабочие. Выстроившись в ряд, они по команде разучивают классический удар «прямой левой». Разделенные минутными перерывами, проходит все возможное многообразие тренировки: работа на снарядах, гимнастика и, наконец, спарринг — учебный бой.

После шести уроков тренер выпускает ученика на ринг. Неожиданно быстро наступают минуты, когда надо выключить все, что ты имешь за душой: хладнокровие, упорство, решительность, смелость. Сразу все!

Новичок забывает заученные приемы. Все в тумане. Он бестолково манит руками, классический удар «прямой левой», от которого боксер, «надламывается», идет в сторону. Новичок бьет ногой, но на краю ринга стоит Гетсе и patiently следит за его движениями. Словно бестолковые удары он улавливает будущий облик боксера. Опытный глаз тренера улавливает в потуге движениях быструю реакцию, силу мышления и прежде всего темп — душу современного боксера.

Для каждого ученика у Гетсе свой метод. Прошло всего два месяца, как занимается группа новичков, и вот ученики этого широкостягского человека уже осмысленно и спокойно ведут бой. Он стоит на краю ринга. Черное шерстяное трико облегает его сильные ноги. Поверх трико надеты черные отпущенные трусы и серая свитер. Гетсе никогда не работает в костюме. Он может стать у группы и показывать класс удара. Он может выйти на ринг и провести показательный раунд с любым боксером.

Молодежь ведет спарринг — учебный бой только на двух ударах — прямой левой и прямой правой. «Хук» (боковые удары) запрещен. Делает это Гетсе для того, чтобы вытравить инстинкт драки, в которой болевой каннаты и применяются боювые удары.

Идет спарринг, и Гетсе бросает отрывистые реплики, напутствует работу учеников: — Левой, почаше бейте левой. Меньше силового напряжения. Ноги тямлемо... Хорошо, хорошо, левый... Миче, давишем... Меньше силем... Молодец, Ежеее! Есть чувство времени. Раунд!..

Минутная тишина напоминает эхо. Стихает шумливый треск кожаных груш, боксеры рассматривают миниде. Через минуту раздаются команды «тайм» — и все снова происходит в движении: кожаные кулаки, мешки, каннаты ринга. Только Гетсе неподвижен: он изучает характер каждого бойца.

В 7 часов собираются мастера. На ринге еще молчат кожаные кулаки, и Гетсе отовсюду бросает в тень скандал: — По корпусу, Крутой! Не стой, не стой!

А мастера уже бегут по рукам. Так изоляционной лентой обматывают провода, чтобы избежать короткого замыкания. Если плохо заботившийся напарник — это прозлит выключом уставов. Мастера надевают тренировочные шапки, предостерегающие лицо от синяков и сожжений. Теперь боксеры могут на мотоцикликов перед решительным стартом. Здесь лучшие бойцы страны, и многие из них буквально создали тренер Гетсе.

Есть что-то общее в творчестве тренера и скульптора, но вместо глины под руками его жилистые пальцы, вместо лепешки — неповторимое многообразие человеческой психики...

В 1924 году школа Бутемаса была боксерским центром Москвы. Тренеру Гетсе было 29 лет, а за плечами — двенадцать лет боксерского стажа. Юношей он увлекся боксом и выступал на ринге в полулегком весе. Гетсе привнесла к боксу от вертлявой борьбы, для которой нужно столько мужества, силы воли, настойчивости. Эти качества плохо развивались в юношах предвоенной эпохи. Не вот первая империалистическая война, и пришлось Гетсе сменить кожаную перчатку на ствол винтовки.

В окопах Гетсе изучал янгию английского бойца Кларка «Как бросать». По этой янгии он поставил основы тренерского мастерства.

В 1920 году Гетсе уже преподавал бокс в военной школе. Для того чтобы стать хорошим тренером, недостаточно быть хорошим боксером. Гетсе убедился в этом очень скоро. Вопреки психологии, медицины, биомеханике подстрекали его за белыми веревками ринга.

Постепенно искусство тренера целым умом его. Он начал испытывать больше удовольствия от побед учеников чем от своих собственных.

Ринг ЦДКА, Дворца спорта и, наконец, «Динамо» видели его в высочайшей фигуре. Везде, где в те трудные для бокса годы давали пристанище этому мужественному спорту, Гетсе учил искусство нападения и защиты.

Он выстраивал плеяду первоклассных бойцов. Михайлоз — это Гетсе. Тимошин — это Гетсе. Ретини — это Гетсе. Но у нас не принято выводить тренера с края ринга на середину. Имя знаменитого западного боксера Карленте неразрывно связано с именем тренера Демпсе. Когда говорит о Демпсе, — речь идет о его тренере Дефорсе. Марсель Таль и Тетар — одно целое: а мы не у нас знают, сколько дал Гетсе тому же Михайлозу?

Это не значит, что боксер — заводная игрушка: поставил рычажки на бой, и механизм действует. Искусство Гетсе прежде всего в том, что он умеет раскрыть индивидуальность каждого ученика.

Система Гетсе — осмысленность, продуманность, волевой напор. Все это требует от боксера не механического заучивания приемов, чем иногда злоупотребляют тренеры «механической школы», а сознательного усвоения, большой самостоятельности на ринге.

Бот Тимошин, лучший в Союзе боксер полусреднего веса. Один из старейших учеников Гетсе. У него хорошо выделенное, умное лицо, крепкий стальной торс. Впрочем, зачем нам во внешнем признаках рисовать себе человека, если на тренировке плывет такая характеристика:

«Боец средней и близкой дистанции. Вызывает атаку противника и работает на контрударах. Для восхождения в близкую дистанцию использует уклады. Вся работа построена на маневре. Сильным часто идет на обмен ударами, забывая о защите».

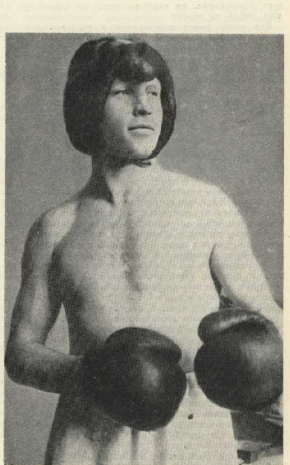
Бот и все! Коротко и исчерпывающе ясно! Любопытный — один из лучших боксеров лет нашего веса. До того как он увлекся боксом, был дручком и забиякой. Бокс, как это ни кажется парадоксальным, отучил его от драк. Вот характеристика, данная Гетсе:

«Файтер. Угловатость атаки. Обмен ударами, удар на удар».

А вот полулегковес Бирх: «Боец не имеет четкого профиля. Необходимо раскрыть и выявить», — пишет Гетсе.

Один из друзей приходит на площадку бойца сборной Москвы, которую готовят Гетсе к веренищу Союза, Владимир Огурцов, чемпион СССР в полутяжелом весе. Замечательный боксер, умный и неутомимый. У него голубые глаза, выносливый лоб и нос, выжатый во многие скандалы. Выпуклые надбровные дуги придают его лицу удивительное выражение, столь часто встречающееся среди боксеров.

А вот и Михайлоз, бессменный чемпион

Чемпион полутяжелого веса В. Михайлов.

Союза в полулегком весе. Единственный советский мастер нока-аута.

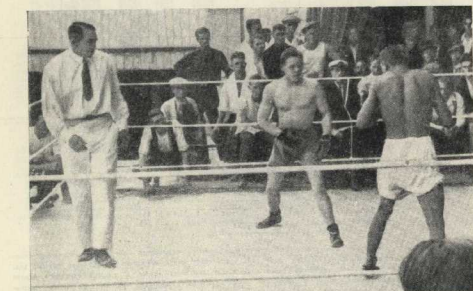
После двадцатилетнего перерыва попал Михайлов к Гетте, и в последующие двадцать лет тренер создал из него лучшего бойца Союза. Записки еще раз в тренерский блокнот, чтобы узнать, что пишет Гетте о своем первом ученике:

Боец английской школы. Основная работа на контрударах сериями. Легкое, но экономное передвижение по рингу. Быстрый выход из ближнего боя с нанесением ударов. Обшир корпусом и левой рукой. Уклонял и паррал с удами.

В этих строках весь Михайлов, а также исчерпывающая характеристика современного боя.

Столько лет работает Гетте с Михайловым, и до последнего дня он продолжает изменять и дорабатывать его стиль. Вот и сейчас, когда новички утверждают место мастера, Михайлов у веранды разучивает короткие удары по корпусу. На последней тренировке Гетте внезапно заметил, что короткие удары Михайлов применяет сравнительно редко, а ищет он у него перемены.

Кто знает недостатки такого первоклассного бойска, как Михайлов? Гетте знает! Самые места Михайлова записаны у него по порядку:

Гетте тренирует своих учеников.

«1) недостаток скорости и скорости ударов; 2) недостаточная сила удара; 3) некоторое злоупотребление при атаке правой рукой.»

Пона на ринге ведут спарринг два бойца, остальные разучивают новые удары по заранее составленным Гетте планам. Учили разучивают прямо, а Огурцово — серию коротких ударов. Михайлов тренирует ху.

Есть два типа бойцов: файтер и боксер. Файтер — боец инстинктивный. Во время схватки он не в состоянии сознательно продумать эти или те удары. Боксер — боец рассудительный. Искусство тренинга, как мы говорили выше, заключается в том, чтобы правильно связать психологические качества ученика и на этом фундаменте построить его боевую технику. Гетте считает, что беспомощно файтеру прививать навыки рассудительного бойца. В спарринге он еще будет держаться, но в момент настоящей схватки вся техника пропадет и останется лишь инстинктивное инстинкт. Это утверждение спорное, но Гетте и не думает придавать ему значение непоколебимого закона.

Гетте — тренер психологической школы. Он умеет удачно использовать не только красоту и правильность движений. Когда к нему пришла Михайлов, Гетте определила его как полуфайтера-полубейсера — самое благоприятное сочетание для боя.

Идет спарринг мастеров, и так же, как у новичков, Гетте корректирует схватку.

Вот он заметил, как Учили, великолепный боец полулегкого веса, типичный боксер, внезапно остановился перед противником, как перед сложными чертами, раздумывая, с какой стороны повести атаку. И Гетте бросила реплику: — Учили, а бой!

Очень важно в нужный момент указать ученику на его слабость.

Нельзя, без опасности проиграть, ослабить темпа.

Так идет тренировка воля. Боксер должен быть самодисциплиной. И когда он уходит из зала, наблюдая тренера на ринг, он обладает себя чувствовать уверенно и легко. Но случается, что ученика Гетте проигрывают бой из-за недостаточного волевого напора.

Ученик должен усвоить уроки тренера, но плохо бывает, если воля ученика подавлена. Как проиграл Михайлов свой знаменитый бой с Королем на звание абсолютного чемпиона страны? Гетте прекрасно подтолкнула Михайлова и, учитывая результаты прошлых схваток, рекомендовала Михайлову выигрывать по очкам. Но уже первой раунд, который, что на лету победил рассудительного, невольно, но менять тактику и вести упорный бой на нокаут. Михайлов не сумел за короткие двадцать минут изменить план боя и проиграл.

Одним из самых блестящих своих побед

Гетте считает бой Тимошина с Емельяновым летом этого года.

Емельянов, неоднократный чемпион в полулегком весе, — ученик ленинградского тренера Осечкина. Осечкин строит тренировку на «машинном» принципе. Ученики его идут в бой неумолимо, ни на что не реагирующей «машинной лавиной». Схватка Тимошина — Емельянова была схваткой двух тренерских систем.

Тимошин, боец-файтер, повела себе во время тренировки правую руку, и весь план подготовки пришлось внезапно изменить из расчета, что Тимошин поведет бой одной левой рукой. Задача невероятной сложности встала перед Гетте. Он вынул файтера новый, заранее продуманный во всех деталях план боя. Короткие и быстрые удары, дестабилизирующий бой, хитрость — вот на каких элементах состоял этот план. Все было продумано до таких тончайших деталей, что Тимошин вышел на ринг и одной левой рукой добился победы!

Идет горячий тренировочный вечер. Раскачивая корпус, движется по залу, почти вальсируя, Михайлов.

Стремительную атаку на самого себя велит перед зеркалом Учили.

Оценивая, обрабатывает локтевой мениск. А Гетте на краю ринга замечает все, все осмысливает, и решения его мгновенно менику и темп спарринга и такт ударов по мешку.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1937 г.

на ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и КУЛЬТУРНО-ВЫВОДНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

СМЕНА

(выходит 1 раз в месяц)

Орган ЦК и ЦК ВЛКСМ

14 год издания

Ответственный редактор В. Л. Герасимова.

СМЕНА наиболее популярный массовый молодежный журнал Советского союза.

СМЕНА рассчитана на передовую рабочую молодежь и молодежь пролетарской интеллигенции.

СМЕНА знакомит читателей с жизнью советской молодежи и с жизнью молодежи зарубежных стран; печатает биографии молодых революционеров и воспоминания старших товарищей; организует дискуссии по актуальным вопросам быта молодежи; регулярно помещает географические и красочные очерки; публикует рассказы, эссе, рассказы о политике и т. п.

К сотрудничеству в «СМЕНЕ» приглашены писатели: Борис Агатов, Юрий Герман, Василий Гроссман, Лев Кассиль, Валентин Катков, Лев Никулин, Константин Паустовский, Александр Прокофьев, Алексей Суворов, Алексей Толстой, Сергей Третьakov, Александр Фадеев и др.

Журнал печатается на лучшей белой бумаге. Иллюстрирует «СМЕНА» крупнейшие мастера изобразительного искусства и молодые художники: Н. Аванкунов, В. Брискин, Г. Васильев, Н. Лис, П. Плякин, К. Ротов, В. Шеглов и др.

Фотографии: Н. Верещин, Л. Тайкович, И. Гушин, А. Делобов, К. Коллин, Нусинов, М. Преснер, И. Шагин, В. Шаповалов и др.

ГОДИШНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес. — 1 руб.
на 3 мес. — 3 руб.
на 6 мес. — 6 руб.
на 12 мес. — 12 руб.

Цена отдельного номера — 1 р.

Подписку следует: «Союзмол», по почте, телеграфом, «Сборная» подписка на проезд, «Сборная» подписка на проезд, «Сборная» подписка на проезд, «Сборная» подписка на проезд.

Цена 85 коп.

